

Искорка

По снежной целине

Слова Германа Гоппе

Музыка Б. Кравченко

В темпе марша.

mf

1. Дав - но заждались нас поля и кру - чи Да

f

mf

вай же, небо, снега не жа - лей. Да - вай же, ветер, бей сильней по ту чам, чтоб

f Припев.

мы на лыжи встать могли ско - рей В по - ход за - хва - тим мы пес - ню за - дор - ну - ю. Пусть, как кос.

тёр, песня гре - ет нас всех. Кра - я ле - сис - ты, е, гла - ди о - зёр - ны - е услышат

скоро наш весёлый, звонкий смех. Услышат скоро наш весёлый, звонкий смех. 2. Для

1. Давно заждались нас поля и кручи.
Давай же, небо, снега, не жалей.
Давай же, ветер, бей сильней
по тучам,
Чтоб мы на лыжи встать могли скорей.

Припев:

В поход захватим мы песню
задорную.
Пусть, как костёр, песня греет нас всех.
Края лесистые, глади озёрные
Услышат скоро наш весёлый, звонкий
смех.

2. Для слабых наш поход суров и
труден.
Глубокий снег без лыжни впереди.
Родной стране нужны такие люди,
Которые до звёзд должны дойти!

Припев.

3. Гудят в пути колючие метели,
Сбивает ветер неумелых с ног.
Но мы пройдем уверенно до цели:
Непроходимых нет для нас дорог.

Припев.

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома
и Горкома ВЛКСМ

СОВЕТСКОЙ АРМИИ

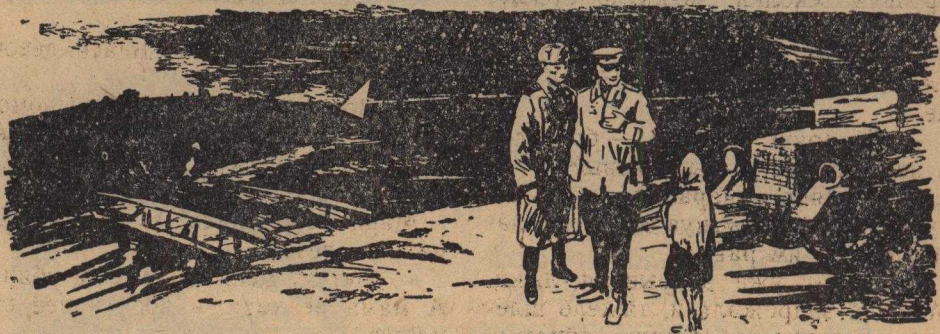
Нашей Армии Советской
Наступает сорок лет.
Посылаем юбилярам
Пионерский наш привет!
Мы читали, мы слышали,
Как в гражданскую войну
От врагов вы отстояли
Нашу юную страну.
Вспоминают наши сёстры,
Братья, матери, отцы,
Как разбили злых фашистов
Вы, советские бойцы.
Охраняете теперь вы
Нашей Родины покой.
Мы спокойны: ведь на страже
Наш, советский Часовой!

Марина ПАЛЬЧИК
4-6 класс, 209-я школа

Неравный бой

РАССКАЗ

ЭТО случилось весной 1944 года. Войска 1-го Украинского фронта наступали в страшную распутицу... Немцы стремились на запад, но русская грязь цепко хватала их за подметки тяжёлых подкованных сапог. Разбитый враг двигался окольными дорогами, нередко появляясь там, где о нём и не думали. Всё смешалось, перепуталось: и тыл и фронт. Противника можно было ожидать со всех сторон...

...Снег мокрыми хлопьями лип к бурой осоке, к соломенным крышам, ложился на разбухшую дорогу и сразу синел.

Майор сидел в обрызганном грязью «газике» и, склонив голову, о чём-то думал, а может быть, дремал. «Газик» стоял перед широкой лужей. Шофёр, широкоплечий сержант, мрачный, с глубоким шрамом на лбу, мерил колом лужу и потихоньку ругался.

Выстрелы раздались неожиданно и резко. Шофёр плюнул и пошёл к машине.

— Танки стреляют, товарищ майор, — доложил сержант.

— Похоже... Ставь машину за хату. Пойдём посмотрим, что там.

Идти было трудно. Ноги вязли, снег слепил глаза. Неожиданно они услышали детский крик:

— Дяденьки, миленькие, их там много. Опять идут сюда!

Они увидели босую девчонку. По виду ей было лет семь, а то и больше. Полинялое голубенькое платьице да шерстяной платок прикрывали её худенькое тело. Она посинела от холода. Майор подхватил девочку на руки:

— Зачем ты здесь? Где твой дом? Девочка показала на одинокую хату.

— Саща, отнеси её!

Сержант принял девочку, потом пошарил по карманам и вынул кусок сахара. Девочка, зажав гостинец в кулачке, лизнула его. Сахар был в жёлтых пятнах и немножко пах табаком. Сержант не добежал до хаты, когда из мутной тьмы с надрывным воём выскочил танк. Сзади танка полз густой чёрный дым. Это была наша «тридцатьчетвёрка». Машина остановилась. Из люков повыскакивали танкисты, подняли над мотором решётку, а потом стали шлемами черпать с дороги грязь и лить её прямо в машину. Высокий лейтенант в чёрной тужурке командовал:

— Быстрее, быстрее! Давай ещё, ещё давай! — он прикрывался от едкого смрада, лицо его от копоты почернело.

— Что с машиной, — окликнул майор лейтенанта, — подбили?

Лейтенант махнул рукой:

— Выхлопная труба отвалилась.

— Эх ты, растяпа, — сказал майор.

Скреба воздух, пронёсся снаряд и, упав в канаву, поднял столб воды, мутной, как кофейная жижа. Тонко пропели осколки, звякнуло стекло; по щеке майора потекла кровь, на подбородке смешалась с водой и алыми каплями падала на полу шинели.

— Товарищ майор, — бросился к нему шофёр, — вы ранены?

— Пустяки, царапина, — отмахнулся майор и, вынув носовой платок, зажал им рану.

Танкисты уже закрывали люки. Машина задрожала и, тяжело шлёпая гусеницами, пошла обратно, швыряя на дорогу охапки искр.

Снег пошёл тише и вскоре перестал...

...Майор с шофёром стояли на бугре. Внизу в крутых берегах клочкотала река. К мосту спускалась разбитая дорога. По её красноватым колеям еле плелись ручейки. А на той стороне, где зеленела озимь и мокли заплаты рыжей зяби, вытянулась колонна фашистских танков. Она напоминала огромного удава. И пока машины двигались, серый удав лениво шевелился и злобно плевался огнём.

Сержант с майором упали и поползли. Им попался небольшой песчаный карьер...

Хлёстко ударила пушка. Справа от них стояла каменная стена разрушенного дома. За неё спряталась наша «тридцатьчетвёрка» и, просунув в окно дуло пушки, стреляла. С того берега раздался дружный залп. И на месте стены поднялось розовое облако пыли. С поломанными крыльями, усыпанная обломками кирпича, «тридцатьчетвёрка» отошла назад... Майор развернул планшет и стал рассматривать карту.

— Дяденька, а дяденька... — услышал он знакомый голос.

— Как, это опять ты?! — удивился майор.

— Угу, — кивнула девочка. Но, увидев его строгое лицо, залепетала: — А мне теперь не холодно. Во, посмотри, — и она показала бежевые от глины полусапожки, обутые на босу ногу, и весело похлопала по плюшевому пальтишку, сшитому из старенького жакета.

Майор улыбнулся:

— Ах ты, сопля зелёная! Как звать-то тебя?

— Маринка, — потупилась девочка.

— Вот что, Маринка, беги домой и скажи папе с мамой, чтоб скорее уходили. Ну, ну, беги, доченька, а то стрелять будут.

Маринка молчала, из её глаз сыпались слёзы.

— Нету у меня папы. Они убили. А мама не ходит — ноги у неё отнялись.

Опять ударили пушки. Воздух завыл, засвистел, запах гарью. Головной танк врага оторвался от колонны и двинулся к мосту.

— Тигр, — прошептал сержант.

Маринка, схватив рукав майора, шептала:

— Ой, маменька, ой, милая...

Грузная, с зелёными пятнами громадина, не переставая стрелять, быстро прошла мост и, окутываясь дымом, стала подниматься. Навстречу ей спешила «тридцатьчетвёрка». Она развернулась и в упор ударила по выползавшему на бугор «тигру». Тот споткнулся, потом закачался и задом стал сползать вниз. Он всё увеличивал и увеличивал скорость и с ходу опрокинулся с крутого берега в реку. Над водой повисли гребенчатые полосы гусениц.

— Вот тебе, гад! Суши лапти! — не удержался сержант.

Теперь юркая «тридцатьчетвёрка» носилась вдоль берега. Она появлялась то здесь, то там, стреляла и пряталась за гребень бугра. По ней били непрерывно.

...И вот случилось совершенно неожиданное. Машина вдруг резко повернула от берега и быстро пошла в село.

Майор побелел.

— Что же он делает, негодяй! —

недоумевая, проговорил он и, выхватив пистолет из кобуры, побежал, крича:

— Назад! Назад!

«Тридцатьчетвёрка» остановилась у крайнего дома. Из люка с трудом

вылез лейтенант и, спрыгнув на землю, забегал вокруг машины, прижимая к боку локоть левой руки. Потом он сел на землю.

— Ух, как больно! Ужасно больно!

— Что, что с тобой? — крикнул, подбегая, майор.

— Откатом ударило по локтю. Даже в голове гудит, — лейтенант попытался улыбнуться, но лицо у него жалко сморщилось. — Чёрт его знает, как получилось! — скрипнув зубами, он поднялся. — Кажется, утихает...

Но майор хмуро взглянул на него.

— Ладно. С тебя сегодня хватит, — сказал он и легко вскочил на танк.

— Товарищ майор, куда вы? — попытался удержать его сержант. — Едемте отсюда скорее. Всё равно не задержать их. Только зря погибнем.

— Сержант, возьмите себя в руки! — крикнул майор и поправил фуражку. — А о тебе, растяпа, доложу, чтоб к награде представили. — И грустно добавил: — Если, конечно, живыми останемся.

...К мосту подходило сразу три танка противника. «Тридцатьчетвёрка» снова вступила в неравный бой... Завертелся, не дойдя и до середины моста, немецкий танк; с катков с грохотом сползла гусеница. Сержант не спускал глаз с башни, над которой покачивалась шапка с малиновым околышем.

Залп колонны противника, казалось, взорвал противоположный берег. Стальная крышка люка взлетела вместе с фуражкой. Над башней «тридцатьчетвёрки» показался лёгкий дымок. Машина медленно сползла с бугра. Сержант бросился к ней. С трудом он вытащил майора

и на спине приволок в песчаный карьер. Положив его, сержант снял шапку и укоризненно проговорил:

— Зачем же вы меня не послушали, товарищ майор?.. Что же я теперь делать буду?..

— Дяденька Саша, ему очень больно? — всхлипнула Маринка и вытерла кулаком слёзы.

— Нет, ему уже не больно, — ответил сержант.

«Тридцатьчетвёрка» горела всю. Но мотор всё ещё продолжал работать. На мосту к подбитому танку прицепляли стальной трос.

— А, буксировать задумали, гады! — злобно выругался сержант и кинулся к горящей машине. Из люка механика чёрными смолистыми клубками выбивался дым. Сержант нахлобучил на глаза шапку и нырнул туда. Машина рванулась и понеслась к мосту. Это уже не был танк. Это катился огромный клубок огня и дыма. Вот он вкатился на мост, превратился в грязно-багровый ком огня и взорвался. В небо взлетел тёмно-красный шар. От взрыва рухнул мост и дрогнул, осыпая бурые комья глины, обрывистый берег.

...Сгущались сумерки. В воде плясали угольки тлеющих у берега перил. Ветер, расчищая горизонт, гнал тяжёлые, прокопчённые тучи. Серая колонна танков изогнулась и поползла обратно, виляя обрубленным хвостом... А на бугре стояла Маринка и молча смотрела ей вслед, прижимая к опухшему от слёз лицу смятую, опалённую фуражку.

Товарищ капитан

1.

Мы вдвоём с капитаном
На границу пришли...
Чуть подёрнут туманом
Край Советской земли.

И от слова «граница»
Сердце бьётся сильнее...
А тропинка змеится
Между мшистых камней.

Там кустарник по пояс
И седые валуны...
А навстречу тропею
Мимо нашей страны
Шёл чужой стороною
Иностранный солдат.
У него за спиною
На ремне автомат.

Поравнялись...

Привычно,
Напружиненный весь,
Нам солдат заграничный
Отдал медленно честь.

Мы ответили,

в этом

Непонятного нет:

Наш обычай —
приветом

Отвечать на привет!

2.

День прошёл, и на травы
Ложится роса.
На крыльце у заставы
Поют голоса:

Как дозор над рекою
Не смыкает ресниц,
Как сражались герои
У Приморских границ.

И басит на аккордах
Знаменитый баян,
Что заставе четвёртой
За отличие дан.

А опасность нависла, —
Сам решает за всех...
Государственной мысли
Должен быть человек!

...Среди ночи разбужен,
Вышел я на крыльцо,
Ветер запахом душным
Мне ударил в лицо.

«Я не слишком ли рано
Вам устроил подъём?» —
Смех в глазах капитана.
Он кивнул мне: — «Пойдём!»

Я ответил негромко,
И замолк разговор.
Нас дозоры в потёмках
Окликали в упор.

Мы шагали под чёрной
Пеленой темноты
По тропинке дозорной,
Раздвигая кусты.

Там, за далью тревожной,
Блеск чужого штыка,
И шумит осторожно
Камышами река.

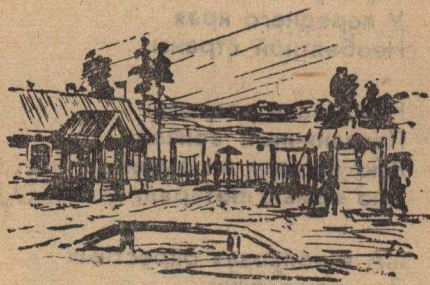
Но солдаты на страже,
На посту капитан.
Для лазутчиков вражьих
Он поставил капкан.

Ночь, а он уж заметил:
За высокой травой
Пограничник в секрете
Чуть кивнул головой.

Здесь глазам капитана
Каждый кустик знаком,
И в ночи неустанно
Он шагает, как днём.

Входит тихо и строго,
Как домой на порог,
В тишину и тревогу
Пограничных дорог.

Он идёт, как хозяин,
Через ночь и туман...
Люди спят,
Люди знают,
Что не спит капитан.

И. Семенов

В ГОДЫ Великой Отечественной войны директор 129-й школы рабочей молодёжи города Ленинграда Илья Григорьевич Семенов был командиром партизанского отряда № 39. Отряд входил в 3-ю партизанскую бригаду имени Александра Германа и действовал во вражьем тылу в районе городов Острова, Новоржев, Порхова, Дно.

В те годы в городе Острове действовала подпольная комсомольская группа. С 1943 года её работой руководил штаб бригады. Отряд И. Г. Семенова неоднократно ходил на операции по данным островской комсомольской группы.

Воспоминания и новые собранные сведения об отважных комсомольцах помогли Илье Григорьевичу написать этот очерк.

Островские подпольщики

КЛЯТВА

— **К**ЛАВДИЯ Ивановна, Клавдия Ивановна! — барабанил в дверь дачи начальника лагеря ответственный дежурный Володя Алфёров.

— Вставайте скорей! — тревожно вторил ему Лёва Судаков.

— Что случилось, ребята? — отозвалась Назарова.

В это время над лесом появились самолёты с чёрными крестами. В районе города Острова послышались сильные взрывы. Назарова и вожагые в недоумении переглянулись.

— Володя, ты оставайся здесь, а мы с Лёвой сбегает в Елино, позвоним в город.

Добежав до кромки леса, Клава остановилась.

— Лёва, вернись в лагерь и скажи Володе, пусть горнит.

Она побежала в деревню одна. Когда вошла в правление колхоза, раздался звонок: секретарь райкома партии Тужиков приказывал срочно подготовить лагерь к переброске в город.

— А что случилось? — взволнованно спросила Клава, но секретарь уже положил трубку.

К концу дня лагерь был вывезен в город, и ребята узнали, что началась война...

Домой Клава пришла поздно вечером. В квартире царил тот беспорядок, который бывает всегда перед сборами в дорогу. Дверки шкафов распахнуты, на столе и стульях горки и стопочки белья. Сестра Ольга деловито перебирала содержимое шкафов и чемоданов, отбирала необходимое и запихивала в зелёный вещевой мешок, оставшийся у неё ещё со времени войны с белофиннами.

— Куда ты? — Клава подбежала к сестре.

— В солдаты, — грустно улыбнувшись, ответила та старой воинской шуткой. — Опять воевать пойду.

— А я? — Клава взглянула на мать. Евдокия Фёдоровна молчала. То ли была занята сборами и не расслышала вопроса младшей дочери, то ли просто не знала, что ответить.

Клава Назарова

Накинув платок, Клава выбежала на улицу и минуту спустя была уже у квартиры Филипповых. Там тоже шли сборы. Клава отвела в сторону Милу, свою давнюю подругу, и тихо спросила:

— Решила?

— Утром пойдём.

У военкомата подруги встретили много знакомых.

— А! Ну вот и вожатая с нами! — заулыбался им навстречу Володя Алфёров.

— Клавдия Ивановна, стройте отряд! Пойдём к военкому организованно, — поддержал товарища Олег Серебряников.

Стало как-то легче. Свои кругом! Этих ребят: Володю, Олега, Сашу Митрофанова, Лёву Судакова, да и других, Клава знала ещё с шестого класса, когда она, десятиклассница, была у них пионервожатой. Теперь ребята выросли, стали десятиклассниками, но дружба осталась по-прежнему крепкой.

— Вот и хорошо! — весело ответила Клава. — Строем и пойдём.

Уставший, измотанный бессонными ночами военком молча выслушал ребят.

— В армию? — переспросил он. — Не могу. Не имею права. Подрасти вам ещё надо...

Строем пошли в штаб воинской части. Но и там отказали. Не до ребят было штабу!..

А фронт всё приближался. Третьего июля фашистские танки подошли к мостам через реку Великую. Начались бои за город.

Клава, Мила и Володя решили сделать последнюю попытку попасть в армию: пошли в райком партии.

Секретарь райкома Тужиков встретил ребят приветливо. Открыв дверь в кабинет, он даже пошутил:

— Видите, Вера Петровна, от учеников вам никуда не укрыться.

Ребята увидели в кабинете свою классную руководительницу и бросились к ней за поддержкой.

— Нет, нет, нет, — и не просите! — отбивался секретарь. — Формированием воинских частей из учеников средней школы не занимаюсь! — и уже серьёзно добавил: — Родине служить можно не только в армии. Идите по домам. Если понадобится, — найдём.

А когда ребята ушли, Тужиков заметил учительнице: — Вот вам и помощники будут, Вера Петровна. Вы их и сами знаете, да и, мне кажется, положиться на них можно. Борьба в тылу, конечно, очень трудна, но верю — выдержат, не подведут.

...Деятиклассники решили уходить из города вместе, но быстро надвигающиеся события расстроили их планы. Деревня Бережане, где жили Володя Алфёров, Олег Дивенский и Нюра Иванова, была внезапно захвачена гитлеровцами. То же самое произошло и с деревней Радобжей, где жил Саша Козловский.

Клава с матерью, захватив по узлу с вещами, влились в общий поток отступавших воинских частей и покидавших свой кров мирных жителей. Всю ночь шли на восток. Утром колонну нагнали самолёты врага. Пулемётные очереди сменялись частыми взрывами бомб.

Клава и Евдокия Фёдоровна спаслись в канаве. Но идти дальше было уже бесполезно.

Клава решила оставить мать в деревне Гостёны, а самой вернуться в город.

— Что же ты будешь делать там? — спрашивала Евдокия Фёдоровна.

— Найду себе дело, — ответила Клава.

Под вечер Клава вошла в город. Переступив через порог своей квартиры, робко вошла в комнату, где всё было в беспорядке разбросано, и села на единственно уцелевший стул.

В комнату вошла Валентина Степановна, соседка Назаровых.

— Вернулась? — спросила она Клаву. — А Володя Алфёров пропал. Ушёл, а тут обстрел как раз... Что-то с ним?!

Узнать о друзьях удалось только у Веры Петровны.

— Вернулись, — грустно сказала учительница. — Все, кроме Володи. Дороги-то немцами заняты. Теперь уж о другом думать надо. Надо на работу устраиваться.

— К немцам? — изумилась Клава.

— К кому ж ещё!

— Что угодно, только не работа на фашистов!

— Успокойся, подумай. Можно работать у немцев, а пользу приносить своему народу.

Собери ребят, подумайте, что вы можете сделать.

...По вечерам ребята собирались у Клавы. Всех волновал вопрос: что делать? И вот однажды Назарова сообщила ребятам приказ подпольного райкома партии: организовать комсомольскую группу, вести борьбу с врагом всеми средствами.

В группу вошли: Мила Филиппова, Лёва Судаков, Олег Серебря-

Людмила Филиппова

ников, Саша Митрофанов, Нюра Иванова, Саша Козловский, Олег Дивенский. Клаву Назарову ребята признали своим руководителем. Достав из кармана комсомольский билет, Клава подошла к столу и в наступившей торжественной тишине сказала:

— Клянусь быть верной Партии и Родине. Обещаю бороться с врагом до последней минуты своей жизни. Клянусь!..

К столу с комсомольским билетом в руках подошла Мила.

— Клянусь, что выполню любой приказ подпольной группы. Если же попаду в руки врагов, умру, но товарищей не выдам. Клянусь!..

БОРЬБА НАЧИНАЕТСЯ

КЛАВА Назарова поступила на работу в госпиталь для русских военнопленных, размещённый в школе. В палате выздоравливающих она встретила знакомого пограничника, лейтенанта Коновалова. До войны подразделение, которым он командовал, шефствовало над пионерским отрядом, где Клава была вожатой.

К сожалению, не одна Клава распознала в больном командира пограничников. О том, кто такой Коновалов, пронюхало и гестапо. Нужно было действовать срочно, не теряя ни минуты.

Теперь, отправляясь на работу,

Клава незаметно проносила в госпиталь отцовские вещи — то пиджак, то ботинки... Когда всё было подготовлено, девушка передала одежду Коновалову и вывела его из госпиталя под видом рабочего.

Немцы всполошились. Подозрение их пало на Клаву, и за девушкой была устроена слежка. К ней стал часто заходить Борис Иванов, предатель, бывший одноклассник её друзей, служивший теперь у немцев осведомителем.

Клава решила уйти из госпиталя.

Устроилась она в швейную мастерскую к своей соседке Валентине Степановне Семёновой. В комнате Валентины Степановны были поставлены швейные машины, а на углу дома появилась вывеска. «Мастерская» стала удобным местом встречи подпольщиков.

Приближался праздник 24-й годовщины Великого Октября. Клава и Мила написали первую листовку подпольной группы, посвящённую празднику. Листовки были розданы всем городским ребятам, посланы Олегу Дивенскому и Нюре Ивановой в Бережане и Саше Козловскому в Радобжу.

Утром, несмотря на все старания немцев, срывавших листовки со стен домов, горожане всё же прочли:

Лёва Судаков

«...Не верьте наивной немецкой
бrehне

О том, что захватчики будут
в Москве.

Не быть им, поганым, в Москве
никогда!

Скоро фашистам еломают рога.

Товарищи! От каждого из нас
Родина потребует отчёт: что ты сде-
лал для достижения победы над
врагом?

Советские граждане! Поднимай-
тесь на борьбу с немецкими окку-
пантами!

Смерть фашистским захватчи-
кам!

Островская подпольная
комсомольская группа».

В городе начались повальные
обыски. Одной из первых подверг-
лась нападению «Швейная мастер-
ская» Семёновой и Назаровой.

В момент обыска у Клавы был
Олег Серебряников. «Швей» спря-
тали Олега в сундук, стоявший в
прихожей, а сами сели на него и
продолжали заниматься шитьём.
Немцы, перевернув всё в доме,
ушли с пустыми руками, а вслед за
ними ушёл Олег, унося с собой пач-
ку листовок...

Обыски не помогли немцам найти
подпольщиков. Тогда фашисты ре-
шили вывезти молодёжь в Герма-
нию. Клава Назарова и её друзья
получили повестки хозяйственной
комендатуры явиться на медицин-
скую комиссию. Надо было спасти
подпольную группу.

Клава пошла к русскому врачу
Светловой.

— Ты когда-нибудь болела, Кла-
ва? — спросила врач.

— К сожалению, нет, — ответила
Клава.

— Придётся тебе найти какую-
нибудь болезнь, — ответила врач и
выписала несколько рецептов.

Когда через несколько дней Кла-
ва, Мила и другие девушки явились
на комиссию, у них была обнару-
жена «трахома». Все они были
освобождены от отправки в Герма-
нию. Таким же образом удалось
спасти от угона в рабство и дру-
гих.

Саша Митрофанов

Олег Серебряников и Саша Митрофанов поступили работать на лесопильный завод.

Однажды в морозный декабрь-
ский день в пилорамном цехе жар-
ко раскалилась печка. Время от
времени рабочие подходили к ней
и отогревали окоченевшие на моро-
зе руки. Под конец рабочего дня
Олег подошёл к печке и подвинул
к дверце охапку стружек, которые
сразу же вспыхнули. Огонь мгно-
венно распространился по всему
полу.

— Ребята, давай воды! — крик-
нул кто-то. Все бросились из цеха
к ведрам. Олег тоже выскочил и
раньше всех вернулся в цех с вед-
ром... керосина. Когда вернулись с
водой другие, тушить пожар было
уже поздно: весь цех был охвачен
огнём. Он перебросился в цех го-
товой продукции. На заводе нача-
лась паника. Рабочие машинного
цеха бросились тушить пожар в
пилорамном. Саша Митрофанов
схватил другое ведро с керосином
и бросился к машинам, которые на-
ходились в другом помещении.

Судьба предприятия была реше-
на: несмотря на все старания гит-
леровцев, от лесопильного завода
остались один фундамент и бетон-
ные опоры.

Немцы метались в лютой злобе.
В полицию были вызваны Олег Се-
ребряников, Саша Митрофанов и
другие рабочие, но гестапо так и не

удалось найти виновников возникновения пожара. Тогда враги пошли на хитрость. В «весёлую компанию», как называли в городе друзей Клавы, заслали провокатора. Предателя Бориса Иванова громко-гласно разжаловали, и этот холуй, разыгрывая обиженного немцами человека, стал всё чаще посещать квартиру Семёновой и Назаровой.

Началась тайная борьба между агентом гестапо Ивановым и подпольной комсомольской группой...

НА ПОМОЩЬ, К ДРУЗЬЯМ!

ВОЛОДЯ Алфёров и радистка Маруся не успели освоиться в самолёте, как последовала команда: «Приготовься!»

— Володя, ты первый раз прыгаешь? — волнуясь, спросила девушка.

— Первый, а ты?

— Если я разобьюсь, то считай, что прыгала дважды: первый и последний раз.

Разведчики и сопровождающие рассмеялись. Всё обошлось благополучно, если не считать того, что разведчики и их груз были сброшены на 30 километров восточнее установленного места.

Оставив радистку у рации, Володя нашёл в ближайшей деревне подводу. На неё погрузили рацию и отправились в путь.

Разговорившись с возчиком, Володя узнал, что он из деревни Гостёны и зовут его Дмитрием Степановым. Не спеша поскрипывала телега, и в такт ей Степанов рассказал Володе о том, что приютил у себя женщину, уходившую из

Острова, Евдокию Фёдоровну Назарову, что дочь её ушла одна обратно в город, а у него, Степанова, тоже есть дочь Анна, оставшаяся в районе, не занятом немцами.

— Вам, поди, и остановиться где-то надо? — спросил он уже у самой деревни и предложил Володе доехать до деревни Бельково, где у него живёт хороший друг — Егор Туманов.

Вскоре разведчики были спрятаны в надёжном месте. А поздно вечером в Бельково на велосипеде, с ружьём за плечами, приехал отец Олега Дивенского, Владимир Иванович.

— Не волнуйся, — сказал он Володе. — Мать здорова, находится в Острове. Вместе с ней девушка живёт, беженка из Эстонии, Нина Бережито.

От него же Алфёров узнал о существовании в Острове подпольной молодёжной группы, с которой связан Олег — его лучший школьный друг.

Вскоре по большаку, идущему между Киевским и Варшавским шоссе к Острову, спешил молодой немецкий офицер с большим портфелем штабиста в руках. Дойдя до деревни Бережане, он свернул к двухэтажному дому и открыл дверь одной из квартир. Хозяева застыли от страха при виде немецкого офицера, стали приглашать его к столу.

— Спасибо, я не голоден, — ответил по-русски офицер и улыбнулся.

— Так это же Володя! — вскрикнул Олег Дивенский. Школьные друзья обнялись...

УДАРЫ УСИЛИВАЮТСЯ

ПОЛУЧИВ от Олега Дивенского газеты «Правда», печатные листовки и сводку Совинформбюро, привезённые Алфёровым, Клава побежала к Вере Петровне.

— Москва наша! Володя жив! — ликовала девушка.

— Разве мы в это не верили?! — ответила старая учительница и тут же поставила перед подпольной организацией новые задачи: усилить работу по сбору сведений о воинских частях, по вооружению людей и отправке их в партизанские отряды, усилить диверсионную работу...

И удары, наносимые немцам, участились.

По-прежнему на заснеженных улицах города появлялась девушка, одетая в плюшевый жакет. Мила Филиппова возвращалась с работы в немецкой столовой. На углу каменного дома висит приказ немецкой комендатуры о вознаграждении тех, кто выдаст подпольщиков. Прямо на приказ наклеивает Мила листовку. Одну, другую, третью...

Но не только листовки...

Нина Бережито по-прежнему жила на квартире у матери Володи Алфёрова. Вначале Клава не доверяла ей, но потом, узнав, что Нина комсомолка и ненавидит немцев, приняла её в подпольную группу.

Нина была красивой, жизнерадостной девушкой, в совершенстве знала немецкий язык. По совету Алфёрова подпольная группа поручила ей поступить на работу в военную комендатуру города, где она должна была добывать оружие и секретные документы. Бережито без труда устроилась переводчицей в комендатуру и сразу же вошла в доверие к немцам. За ней стал ухаживать адъютант коменданта, через руки которого проходили все секретные документы. Через него Нина и

Олег Серебряников

получила доступ к шкафам и сейфам, где хранились оружие и документы.

Однажды, когда адъютант был вызван генералом, Нина открыла ящик его стола и унесла пистолет. Адъютант готов был подозревать в краже оружия кого угодно, только не «фрейлен» Нину. В другой раз, когда Нина ехала с работы, в городе началась очередная облава. Автобус был остановлен гестаповцами. Начался обыск пассажиров. Чтобы спасти людей и самой уйти от ареста (у неё и на этот раз в кармане лежал пистолет), Нина стала действовать решительно: она предъявила удостоверение личности сотрудницы военной комендатуры и предложила фашистам свои услуги для обыска женщин. Фашисты уступили требованию русской девушки, и «обыск» прошёл благополучно. Узнав о поступке сотрудницы комендатуры Бережито, генерал даже поблагодарил русскую девушку...

Нина стала в комендатуре своим человеком. Ей стали доверять совершенно секретные документы, содержание которых она списывала или запоминала наизусть и через подпольщиков передавала Володе Алфёрову.

Однажды адъютант коменданта в пьяном виде начал приставать к девушке. Получив отпор, пьяный, обозлённый немец начал бросать в неё папки с секретными документами. Опустошив таким образом все сейфы и шкафы, фашист тут же свалился и уснул. Нина, просмотрев все папки, изъяла самые ценные документы. Здесь она обнаружила план захвата Ленинграда с указанием полевых укреплений и номеров воинских частей, занимавших их. Взяв с собой пистолет и печати, закрыв немца в кабинете на ключ, Бережито скрылась.

В один из апрельских дней Клава Назарова, захватив две буханки

хлеба со спрятанными внутри листовками, отправилась на Грызавинские торфоразработки. Там у Клавы была знакомая девушка, работавшая в лагере военнопленных. Из разговора с ней Клава узнала об охране лагеря, о подходах к нему.

Ночью накануне 1 Мая 1942 года к лагерю военнопленных в Грызавино подъехала автомашина — немецкий офицер и солдат привезли трёх русских беглецов. Предъявив документы, все пятеро вошли на территорию лагеря...

Четверо юных смельчаков под руководством Алфёрова (а это был он со своими друзьями-подпольщиками) быстро расправились с немногочисленной охраной лагеря. Несколько десятков советских солдат были освобождены из немецкого плена, вооружены и направлены в партизанский отряд. Лагерь был сожжён.

Островские патриоты отметили 1 Мая ещё одной диверсией.

В праздник немцы разрешили молодёжи организовать вечер самодеятельности для солдат гарнизона.

Мила Филиппова была душой всей программы вечера. Она вела концерт, выступала с декламацией и даже плясала «яблочко». Немцы восхищались артистическими способностями своей официантки.

Мила старалась быть весёлой и беззаботной. Но никто не знал, как волнуется девушка за второе отделение «концерта», начало которого почему-то задерживалось. Мила легко вздохнула, когда зрительный зал, заполненный немцами, потряс взрыв гранат, брошенных в окно её друзьями-подпольщиками.

БЕССМЕРТНАЯ КЛАВА

ВТОРОЕ военное лето было на исходе.

Советские люди готовились встретить 25-ю годовщину Великого Октября.

С разрешения подпольного райко-

ма партии островские комсомольцы написали письмо-рапорт Красной Армии и советскому народу. Юные патриоты клялись продолжать борьбу с ненавистным врагом до полной победы.

Комсомольская группа поручила доставить этот драгоценный документ через линию фронта Саше Козловскому, Еве Хайкиной и солдатам Овчинникову и Воронову, которым Клава помогла бежать из плена.

Осталась позади железная дорога Дно—Ашево, впереди — реки и сплошные болота. Все окружающие деревни заняты немцами, по дорогам движение не прекращается ни днём, ни ночью. Чувствовалось приближение фронта. Ребята уже слышали оружейную стрельбу.

Они лежали у дороги, провожая глазами машины врага. Начинался рассвет.

Саша Козловский поднялся первым. Встали и остальные, осторожно перебрались через придорожную канаву, вышли на дорогу.

И вдруг слева застрочил пулемёт, Над головами повисла ракета.

Первой упала Ева. Овчинников и его товарищ метнулись куда-то в сторону, оставив раненого Сашу. Немцы, выбежавшие из дота, окружили юношу.

— Рус, сдавайся! — кричали они.

Саша молчал. Враги подошли ближе.

Страшный взрыв потряс землю: фашистскому плену Саша предпочёл смерть и подорвался гранатой. Вместе с ним погибло и письмо, зашитое в ватник.

Овчинников и Воронов снова попали в плен. Их привезли в островскую тюрьму и стали пытаться. Овчинников не выдержал истязаний и рассказал о существовании подпольной группы.

7 ноября 1942 года Клава Назарова, Нюра Иванова, Костя Алексеев и другие подпольщики были арестованы. Были брошены в тюрьму

Аня Иванова

Евдокия Фёдоровна Назарова, Антонина Германовна Алфёрова, отец и мать Саши Козловского, Вера Петровна.

35 суток длился допрос Клавды. А каждый допрос — это новые пытки, избиение до потери сознания. Загоняли иголки под ногти, защемляли дверями пальцы рук, жгли раскалённым железом грудь девушки. Ни одного слова не вырвали палачи из её уст.

Клава назвала одно единственное имя: Бо-

рис Иванов, который якобы тоже был членом подпольной группы. Немецкий тайный агент был немедленно арестован гестапо и вывезен в Германию. Островские подпольщики избавились от опасного врага.

Борьба продолжалась и в тюрьме. Фашисты могли пытать, могли мучить, но сломить юных героев они были не в силах. С удивлением и страхом слышали они, как из камер, в которых лежали избитые, окровавленные партизаны, вдруг вырывалась гордая советская песня.

Вырывались на волю и письма узников. В одном из них Клава писала:

«Вспоминаю слова одесской комсомолки-подпольщицы Доры Любарской, замученной в тюрьме белогвардейцами в 20-м году, и обеими руками подписываюсь под этими словами:

«Я умираю честно, как честно прожила свою короткую жизнь. Мне не жаль, что погибну так. Жаль, что мало сделано для революции. Я умираю как честная комсомолка...»

Клава Назарова»

В другом письме на волю Клава любовно нарисовала Советский герб и сделала под ним надпись:

«Державный знак страны

Советов —

Символ дружбы и побед.

Разве мы не верим в это,

Что сильнее тебя нет?!»

Евдокия Фёдоровна сидела в одной тюрьме с дочерью. Однажды мать вызвали в тюремную канцелярию, куда привели Клаву. Евдокия Фёдоровна с трудом узнала в вошедшей девушке свою дочь: всё лицо Клавы было в кровоподтёках и синяках, на лоб падала прядь окровавленных волос, её большие глаза провалились.

— Что с тобой сделали, доченька?! — вскрикнула мать.

— Ты только молчи, мама. За меня отомстят...

Больше мать ничего не слышала — её без сознания унесли в камеру.

...День 12 декабря 1942 года выдался хмурым и морозным. Немцы согнали на площадь народ, где на пригорке, у входа в городской сад, была поставлена виселица.

На открытой машине привезли русскую девушку с гордо поднятой непокрытой головой. Грузовик встал под виселицей. По толпе прокатился стон: все узнали Клаву Назарову.

Девушка в последний раз посмотрела вокруг. Взглянула на свою родную школу, на мосты через Великую, на заплаканные лица людей, стоявших на площади, и громко крикнула:

— Прощай, родной город!

Немец, стоявший рядом, ударил Клаву по лицу, но она продолжала:

— Истребляйте фашистов! Победа близка!

Палач накиннул петлю на шею непокорной комсомолки.

— Отдайте мою дочь, подлецы! — закричала мать, которую держали за руки два фашиста.

— Мама!.. — Клава всем телом потянулась в сторону матери, но в этот момент машина тронулась, дощатый пол кузова выскользнул из-под ног комсомолки...

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ВРАГИ ликовали. Наконец-то после стольких поисков им удалось уничтожить этих партизан! Но однажды, вскоре после казни

Назаровой, в комендатуру вошёл полицейский и молча положил на стол листовку. Синие обыкновенные чернила расплылись от непогоды по листу, но всё же без труда можно было прочесть верхнюю строчку: «Смерть немецким оккупантам!»

— Опять! — взревел комендант, вскакивая из-за стола...

...На квартире у Милы Филипповой собрались оставшиеся в живых боевые друзья Клавы: Олег Серебряников, Саша Митрофанов, Лёва Судаков и другие, всего 12 человек.

В окно кто-то постучал. Ребята тревожно посмотрели на Филиппову.

— Это свои, — спокойно говорит Мила. — Это Аня.

В комнату вошла девушка с правильными чертами лица, пронзительными глазами и пышной причёской.

Аню Дмитриеву ребята раньше не знали, хотя была она местной, из деревни Гостёны. Добровольно пошла она в армию, кончила школу агентурной разведки и в начале 1942 года вместе с двумя подругами — Зоей Кругловой и Таней Морозовой — перешла на лыжах линию фронта, добралась до Гостён, к отцу.

Дмитрий Степанович вырыл колодец в стойле лошади и спрятал там рацию. Разведчицы могли всегда вести регулярную радиопередачу.

Сначала Аня ходила в Остров за разведывательным материалом сама. Потом познакомилась с Клавой Назаровой и Милой Филипповой, от которых она тоже получала ценные сведения и передавала их партизанам.

После казни Клавы Дмитриева была послана штабом 3-й партизанской бригады в Остров для выяснения обстановки. Вот и пришла она к Миле. Комсомольцы установили график передачи сведений, назначили места явок. Подпольная группа снова начала действовать.

Никто не обращал внимания на спокойно прогуливающегося по улицам города юношу. Олег Заклин-

ский ходил и по окраинам и в центре его видали, а вскоре положил он на стол перед Милой точную схему укреплений и расположения воинских частей в Острове. Выполняв задачу, Олег устроился работать шофёром. Кто бы мог подумать, что такой сладкий продукт, как сахар, если его подсыпать в бензин, остановит вдруг на полном ходу моторы машин! Изо дня в день «прививал» Олег машинам эту «сахарную болезнь».

А у полотна железной дороги частенько дежурил Лёва Судаков. Он не только подсчитывал воинские эшелоны, направляющиеся к Ленинграду, но нет-нет да и «подклеит» к цистерне с горючим мину замедленного действия.

Володя Алфёров открыл личный счёт мести за погибших в тюрьме Клаву и его мать Антонину Германовну. Всё чаще и чаще стали исчезать на дорогах немецкие автомашины, солдаты и офицеры.

От фашистской части к городу Острову тянулись телефонные провода. У аппаратов сидят фашистские телефонисты, на другом конце провода — гестаповцы, а где-то посередине, прямо в поле, слушают, принимают секретные рапорты, донесения, приказы Олег Серебряников и Саша Митрофанов. Примут и передадут Ане Дмитриевой или Володе Алфёрову. Летят тогда секретнейшие фашистские приказы в партизанские штабы или в советский тыл.

В военную комендатуру, где когда-то работала Нина Бережито, устроилась уборщицей Зина Бойкова. Много ценных сведений добыла она партизанам. Но однажды произошла катастрофа. Как обычно, Зина выходила из комендатуры с куском хлеба, в который были закатаны ценные сведения. В дверях перед нею вырос офицер.

— Хальт! — скомандовал он. — Показать! — офицер ткнул пальцем в краюху. Зине ничего не оставалось, как только съесть хлеб вместе с документами. Но это не спасло её. Бойкову стали пытать, угрожали расстрелом отца и матери, и она призналась, что действительно является советской разведчицей, и выдала Зою Круглову.

Саша Козловский

Аня Дмитриева

Теперь группа Милы передавала все получаемые сведения только Ане Дмитриевой. Но после ареста Бойковой и Кругловой фашисты стали следить и за Аней.

Однажды Дмитриева пришла на очередную связь, но от Милы связного не оказалось.

Что случилось? Аня пошла в Остров. По дороге догнала отца Зины.

— Здравствуйте, — поздоровалась она.

В ответ молчание. Потом Бойков спросил:

— Вы из тюрьмы?

— Нет.

— Вас ищут немцы. Дали кличку «Аня Чёрная» и назначили большую сумму вознаграждения за поимку. Спасайтесь!

Только на следующей явке Аня узнала все подробности ареста Милы и её группы.

Случилось это 20 августа 1943 года. Лёва Судаков ехал на велосипеде на очередную связь с Аней. Но вместо неё была послана неопытная девушка, которую немцы арестовали. Она призналась, что шла на связь. Немцы устроили засаду и арестовали Лёву. У него в руках оказались не только разведочные данные, но и список группы подпольщиков.

Друзья стойко вынесли все пытки, не сказав ни слова о товарищах, оставшихся на свободе.

На стене камеры Мила оставила надпись:

«Камера № 24. Филиппова Мила. Сижу с 23-8-43 г. Сегодня 1-9-43 г. Допросы кончились, ужасно били. Сижу одна. Жду приговора. Думаю, что расстреляют, а как жить хочется!»

9 сентября всю группу комсомольцев-подпольщиков вывели ночью из тюрьмы, посадили в автомашину и вывезли из Острова в лес. Автоматные очереди прорезали ночную тишь...

Но фашисты просчитались и на этот раз. Сломить борьбу патриотов им так и не удалось. Комсомольская группа в Острове продолжала действовать. Теперь во главе её стояла Аня Дмитриева, Пальма Киис, латышка, поселившаяся в Острове в войну, и Алексей Смирнов. Эта комсомольская группа боролась с врагом вплоть до освобождения города.

НЕДАВНО я навестил семидесятипятилетнюю пенсионерку Ев-

докию Фёдоровну Назарову. Мать героини рассказала мне:

— После казни дочери меня выпустили из тюрьмы. Что ни делали немцы, им не удалось узнать о листовках и письмах, которые я распространяла по поручению Клаши, об известных мне именах комсомольцев-подпольщиков. Похоронив дочь, на третий день после казни я отправилась к партизанам.

Вместе с армией я вернулась в Остров, и 21 июля 1944 г. на могиле моей дочери состоялся большой митинг, на котором советские воины поклялись отомстить за смерть Клавы и её товарищей-подпольщиков...

В августе 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Назаровой Клавдии Ивановне было присвоено посмертно звание Героя Советского Союза.

Никогда наш советский народ не забудет и её славных боевых друзей, отдавших жизнь за нашу Родину: Людмилу Филиппову, Олега Серебряникова, Александра Митрофанова, Льва Судакова, Александра Козловского, Анну Иванову, Константина Алексеева, Павла Корнильева, Нину Бережито, Еву Хайкину, Зою Круглову!

Рис. Ю. Лаврухина

Слово о Клаве Назаровой

(ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ)

...В небе выси звёздные,
бледный лик луны
Прутьями железными
перекрещены.

Разобраться, право,
трудно в этой тьме:
Кажется, не Клава,
а луна в тюрьме.

Встретив день короткий,
ночь опять уйдёт.
Солнце за решёткой
весело взойдёт.

Легче станет Клаве:
свет его лучей
Растворит, расплавит
холод кирпичей.

Сколько дней томится? —
Потеряла счёт.
Каждый час в темнице
вырастает в год.

Сколько раз пытали
палачи со зла,
Сколько раз хлестали
тело шомпола!

В каменном подвале,
за стеной литой,
Били, отливали
на полу водой...

Палачи признаться
предлагали ей:
— Кто в организации,
укажи друзей?

Снова пытки, муки,
Снова пальцев хруст.
И опять ни звука
из девичьих уст.

Как придёт с допроса —
тот же блеск в глазах,
Только гуще проседе
в сбитых волосах,
Только вновь мучительно
ноет голова...
Вспомнила учителя
старого слова:

«От врага в борьбе ты
милости не жди.
Бейся до победы,
как велят вожди.»

Не склоняй колени
пред большой бедой,
В жизни делу Ленина
будь верна душой!»

Видела: руками
слабыми в ответ
Из соседних камер
ей махали вслед:
Коля, Аня, Костя —
школьные друзья.
Палачи со злости
им петлёй грозят...

Передачу Лёва
приносил в тюрьму.
Наспех два-три слова
кинула ему.

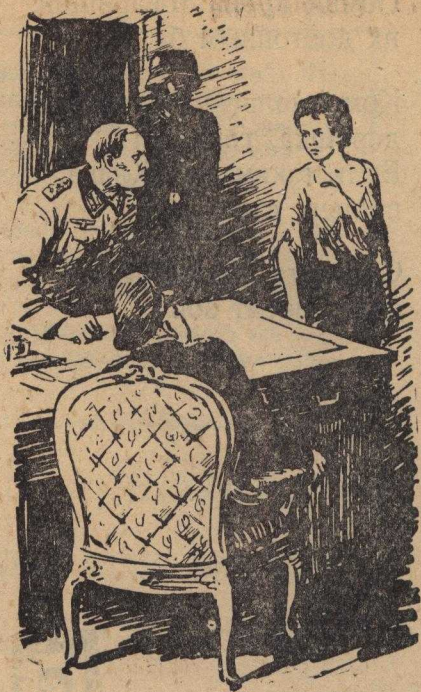
Передать велела,
чтобы знал народ:
— Я умру, а дело
наше не умрёт.

Мне о том, что пройдено,
нечего тужить:
Умереть за Родину —
Значит, вечно жить!..

...Тучи виснут клочьями,
мрачен небосвод.
На холодной площади
ёжится народ.

Крикнула: — Товарищи,
Поглядите, как
Нас в краю пленённом
убивает враг!..

Но на смену павшим
рвутся всё грозней

В бой миллионы наших
братьев и друзей!.. —

...Рвут на кофте ворот
руки палача...
— Люди, милый город,
Родина, прощай!.. —

* * *

...В поле пионеры,
в круг собрав ребят,
О героической жизни
Клавы говорят.

На багровом знамени
Кровь её горит.
— Клава вечно с нами! —
юность говорит.

Призывают горны,
барабаны бьют.
Подвиги, как зёрна,
на полях взойдут.

...Юноша, вступающий
на широкий путь,

Помни кровь товарищей,
их достойным будь!

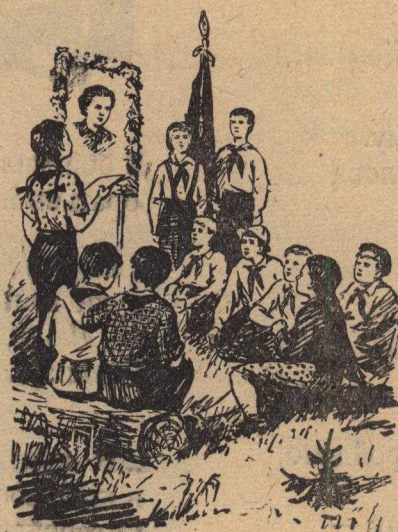
Комсомольской славой,
девушка, гордись!
Быть таким, как Клава,
пионер, стремись!

Слышите, глашатай-
ветер носит зов

Боевой вожатой:
— Будь к борьбе готов!.. —

Клава, мы на страже
Родины стоим,
Городов и пашен
жизнь и мир храним.

Слава в битвах павшим,
слава, слава им!

М. Демиденко

В 1945 году в редакцию «Последних известий» Воронежского радио зашёл шестнадцатилетний паренёк Миша Демиденко и попросил дать ему задание. Посмотрели на него недоверчиво, но задание дали. Корреспонденция удалась. Это была первая проба пера.

Михаил Демиденко сменил много профессий: был пастухом, кузнецом, сапожником, конюхом. Присматривался к людям труда. Это и помогло ему стать журналистом.

Изучив китайский язык, Михаил Демиденко три года провёл в Китае, работал переводчиком, собирал фольклор.

Рисунки К. Бекташева

Совершенно необыкновенные приключения Миши Кошкина, рассказанные им самим

ВСЕ СИДЕЛИ И МОЛЧАЛИ

НАС было пятеро: Вовка, Женька, Мишка Кошкин, я и маленький Петенька. Ещё была луна, большая и яркая, как светофор. Мы сидели и молчали, от нечего делать смотрели на луну.

Говорят, до неё очень далеко, но мне показалось, что стоит залезть на крышу соседнего дома и можно будет палкой достать. Я сказал об этом ребятам.

— С крыши не достанешь! — важно протянул Женька. Он на второй год остался в четвёртом классе и воображал, что всё-всё знает. — Вот со спутника можно...

— А на Луне, наверное, баба-яга живёт? — неожиданно вмешался в разговор Петенька.

— Никого там нет! — хмыкнул Женька. — Наслушался сказок и верит.

— А что, разве сказки одна неправда?

— Фантазия...

Все опять замолчали. Вообще-то, уже было пора идти по домам, но среди ребят нашего двора это считалось трусостью.

Было тихо. Только Петенька всё сильнее и сильнее шмыгал носом: ему было жалко, что в сказках одна неправда.

— Не слушай Женьку, — успокоил его Мишка Кошкин. — Вытри слёзы... Есть на земле баба-яга, всё есть...

— Ха! — гаркнул на весь двор Женька, — что-то я её никогда не видел.

— А я видел! Если хочешь знать, я сам лично был знаком с одной бабой-ягой.

— Врёшь.

— Правда...

— Мишка, расскажи! — начали мы просить его: он считался среди наших ребят самым лучшим рассказчиком. — А ты, Женька, не хочешь слушать, так уходи отсюда!

Но Женька сам любил слушать разные истории.
— Чего вы ко мне придрались! — обиделся он. — Мне-то что, ни жарко и ни холодно. Раз был знаком с бабой-ягой, так был... Пускай фантазирует...

КОШКИН — КОНТАКТНЫЙ РЕБЁНОК

ЖИЛ ли кто-нибудь из вас на даче с бабушкой и Бобиком? — так начал свою необыкновенную историю Мишка Кошкин. — Сразу по глазам вижу, что нет. И хорошего в этом мало. Бобик ещё ничего, слушается, с ним даже на речку ходить можно. А вот бабушка... Бабушка не Бобик: она сама всё лето держала меня на привязи: «Не хди на реку — утонешь! Под дождём не бегай — простудишься!» Хотя, если говорить честно, от скуки и взаправду можно было заболеть: на весь дачный посёлок ни одного мальчишки.

Километрах в двух от нас был пионерский лагерь. Ребята там были хорошие, кроме одного — Генки, который играл в команде «Динамо» центром нападения. Я же был вратарём у «Спартака». Каждый день мы сражались в футбол. Но однажды меня увидела старшая сестра Мария Ивановна.

— Что это за ребёнок? — замахала она руками, точно обожгла их горячим чаем.

— Я дачник, Миша Кошкин.

— Вы же контактный ребёнок!.. Вы занесёте в лагерь микробов...

Напрасно я говорил ей, что не ношу с собой микробов, а хожу сюда только играть в футбол, она и слушать не хотела:

— Если вы ещё раз появитесь, я буду вынуждена принять административные меры.

Пришлось не появляться.

Затосковал я после этого страшно. От нечего делать да же стал ходить в лес за грибами. Вот тут-то я и встретился с бабой-ягой.

НЕОЖИДАННОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ

ОДНАЖДЫ я, как уже говорил, пошёл в лес по грибы. Место попалось такое, что ни глянь под куст, — гриб торчит. Я до того увлёкся, что когда насобирав корзинку, огляделся — места совсем незнакомые. Другой бы на моём месте растерялся, но я сориентировался по солнцу, определил, где юг, где север, и пошёл прямо на восток.

Шёл, шёл и очутился на поляне. Посредине поляны стояла избушка, вокруг неё забор, а на заборе кот. Я хотел пройти мимо, постучаться в калитку и спросить дорогу. Но вдруг кот встал, сладко потянулся. Смотреть противно...

Дело в том, что я не люблю кошек с тех пор, как меня стали дразнить «Кис-кис». Фамилия уж больно у меня дразнящая — Кошкин. Я, конечно, не выдержал и запустил в кота палкой.

Только хотел уходить подобру-поздорову, — калитка открылась и на дорогу вышла старушка. На щеке бородавка, на носу очки, в руках зонтик. За ней ковыляет кот на трёх ногах и что-то жалобно мяучит.

— Мальчик, — строго сказала старушка, — ты зачем обидел моего Ваську?

— А чего он по заборам лазает...

— Мальчик, ты поступил нехорошо. Проси у Васьки прощения.

Конечно, мне следовало бы извиниться перед старушкой за кота, но чтоб просить прощения у самого кота!..

— Как бы не так! — разозлился я. — Очень-то мне нужно! Я ему в следующий раз хвост оторву.

От моих слов старушка поморщилась, точно наступила в холодную лужу.

— Ты злой и грубый мальчик. Я строго накажу тебя...

— Э! — засмеялся я, — накажешь... А я убегу... Попробуй, догони!

Тут она прямо затряслась от обиды, заскрипела зубами, лицо её сделалось страшным, и я увидел... увидел, что это была не обыкновенная старушка, это была Баба-Яга.

— Зинзembroли-хохо!.. — зашипела Баба-Яга. Она раскрыла зонтик, сразу полил ливень, загремела молния, и в тот же момент я почувствовал, что тело моё начало быстро сжиматься. Я становился всё меньше и меньше. Деревья превратились в небоскрёбы, кусты — в дома, а трава — в дремучий лес. Вот я уже стою на четырёх лапах, а сзади болтается хвост.

Баба-Яга ехидно засмеялась, калитка хлопнула. И я, наконец, догадался, что она превратила меня в котёнка.

— Мяу! Мяу! — жалобно запищал я и кинулся за ней следом. — Простите! Я больше не буду!

Гляжу, мне прямо наперерез выходит кот Васька. Теперь-то я был крошечный, а он был величиной с тигра.

— Мяу! — заревел он басом, да как залепит мне по уху здоровой лапой. Я так и полетел в кусты метра за три, вскочил, кинулся бежать сломя голову...

В какой-то книге, точно не помню, я читал, что очень трудно начинать жизнь сначала. Особенно трудно бегать на четырёх лапах, после того, как двенадцать лет проходишь на двух ногах. В придачу ещё хвост! Изволь-ка повсюду таскать его за собой!

Убегая от кота, я раз сто ударился хвостом о пни и стволы деревьев. Иногда он попадал мне под задние лапы, и я продолжал бежать по нему, как по ковровой дорожке. Нет! Хвост с непривычки, как шишка на лбу, — куда ни повернёшься, обязательно заденешь.

Забегал в самую чащу леса, сел перевести дух.

КОШКИН НАХОДИТ ДРУГА

ОТ горя я стал тихонько мяукать, но тут же замолчал и насторожился. В траве послышался шорох. Шерсть на моём загривке встала дыбом. В траве кто-то долго возился, сопел и, наконец... выскочил Зайчонок. Одно ухо у него стояло торчком, другое висело, как у щенка, глаза косили в разные стороны. Выглядел он так, словно всю перемену дрался в коридоре.

Зайчонок подскочил ко мне боком.

— Ты чего тут делаешь? — начал он задирается. — Это мой берёзовый куст...

— Неправда! Подумаешь тоже, воображала! Я его первый нашёл...

Мой решительный ответ озадачил Зайчонка. То ухо, которое у него висело, встало торчком, а которое торчало, наоборот, повисло и закрыло глаз.

— Я тебя не боюсь! — Уставился он на меня одним глазом. — Ты кто такой?.. Тигр?

Я даже не знал, что ему ответить. Сказать, «человек», — он убежит от страха.

— Нет, котёнок, — соврал я.

Зайчонок опять задумался. Откусил с ветки берёзовый листок, пожевал.

— Теперь я знаю, кто ты, — сказал он примирительно. — Ты дачник...

— Верно! — удивился я. — Откуда ты знаешь?

— Летом на дачу много кошек приезжает... А ты с собаками дружишь? — неожиданно спросил он.

— Нет! — соврал я второй раз, потому что очень любил своего Бобика, но теперь я же был котёнком и мне не полагалось иметь собаку.

— Ну, тогда давай знакомиться, — и Зайчонок протянул мне лапу. — Меня зовут Задира.

— Кис-кис! — пришла мне на ум школьная кличка.

— Пошли к нам! — Оба уха у Зайчонка встали торчком. — Сейчас дома никого нет. Можно делать, что хочешь...

КОШКИН ИГРАЕТ В ЧЕХАРДУ

ЗАДИРА жил под большим кустом рябины.

— Вот мой дом, — сказал он и тут же исчез. От неожиданности у меня задёргался хвост: «Мяу! Где ты?»

— Что так долго ноги вытираешь? Входи! — послышалось из-под земли. Я тоже полез в густую крапиву. Там оказалась дыра — это была дверь. Когда я вошёл в нору, два брата и сестра Задиры вытаращили глаза от удивления: кто это?

— Не бойтесь! — представил меня Задира. — Это не тигр! Его зовут Кис-кис...

Зайчата по очереди подошли ко мне знакомиться. Братьев звали: Хвастунок и Тяп-ляп, сестрёнку — Тихоня. В углу на куче прошлогодних листьев лежал дедушка-заяц. Вместо трубки в зубах у него была морковка. Он должен был следить за внуками, но, как водится, ни за кем уследить не мог, только ворчал и стучал о пол морковкой.

— Кто там? — грозно гаркнул он.

— Успокойся! — махнул на него лапой Задира. — Ко мне друг пришёл. Он из города к нам в лес приехал...

— Слышал... Слышал... — закивал головой дедушка-заяц. — Ну-ка, подойди поближе... Садись! Расскажи, почём там фунт свежей капусты?

Тут через меня перепрыгнул Хвастунок и начал хвастаться:

— А дедушка у нас с Дуровым работал... Вот какой у нас дедушка! Ящик, в котором он сидел, уронили... Ящик разбился. Вот в каком ящике жил дедушка! Дедушка взял и убежал в лес. Вот в каком лесу мы живём!

Старому зайцу очень хотелось поговорить со мной.

— Я в молодости орлом был! — он вынул изо рта морковку и важно повёл усами. — Сам Дуров меня за уши брал! Я у него в «Железной дороге» главную роль играл. Весь цирк кричал: «Смотрите! Сзади поезда «заяц едет!» Да, были

зайцы в наше время! А что вы... Бегаєте, прыгаєте без толку.

— А мы действительно уже бегали по норе и прыгали друг через друга. Только одна Тихоня сидела в углу и огорченно качала головой. Мы не обращали на неё внимания. Мы играли в чехарду.

ПРЫГ-СКОК

— ТРАК-ТРАК! — слышалось на улице. — Трак-трак! — и в нору упала шишка.

— Прыг-скок пришла! — обрадовались зайчата и кинулись к выходу. Я тоже побежал за ними.

На кусту рябины сидела маленькая белочка.

— Здравствуйте, мальчики и девочки! — поздоровалась она.

— Здравствуй, Прыг-скок! — ответили хором зайчата.

Белочка мне очень понравилась. Глаза, как бусинки, хвост пушистый, сама чистенькая. Мы же после чехарды были расрёпанные...

Я быстро умылся. У кошек это делается очень просто. Не надо ни воды, ни мыла... Сунул лапу в рот, помусолил её там немножко и обтирайся, как мокрым полотенцем. Только с непривычки такое умывание не особенно приятно — пыльная лапа по вкусу напоминала грязный веник.

— А это что за зверь? — показала на меня лапкой Прыг-скок.

— Его зовут Кис-кис, — хором ответили зайчата.

— Он к нам в гости пришёл... — не выдержал Хвастунок. — Вот какие мы!

— Мальчики и девочки, — не стала слушать его Прыг-скок, — вы пойдёте сегодня в кино?

— Пойдем! — закричали зайчата.

— Тогда я зайду к вам в «съём 40 орехов после захода солнца».

— Рано! — замотали головами мои друзья. — Заходи лучше «съешь кочан капусты».

— Хорошо! — Белочка прыгнула на ближайшую сосну, потом на другую и убежала к себе домой.

КОШКИН ЗАДАЕТ ВОПРОСЫ

— ЧТО значит «съём 40 орехов после захода солнца»? — спросил я у дедушки-зайца.

— Так у нас, зверей, различают время, — дедушка-заяц сел на кучу листьев и погладил меня по голове. — У людей в сутках 24 часа, а у нас, лесных жителей, всего 4. Первый час, когда восходит солнце, второй час — полдень, третий — заход солнца и четвёртый, когда кричат полночные петухи. Это в лесу называют «поверкой времени». Люди говорят: «Без четверти час». У зверей нет часов, поэтому мы говорим: «Съешь кочан капусты до восхода солнца». Белки говорят: «Съешь 100 орехов». Волки мерят время на баранов, медведи — на ведра мёда...

— А в какое кино ходят звери? — опять поинтересовался я.

— В самое настоящее... Недалеко от нас есть пионерский лагерь. Там сегодня для ребят будут демонстрировать кинофильм.

КОШКИН ПУСКАЕТ В ХОД КОГТИ

В ЛЕСУ уже стемнело. Но мне всё-всё было видно: кошки в темноте видят ещё лучше, чем днём. Прыг-скок прыгала по деревьям, мы бежали вниз. Я еле успевал за друзьями.

Мы подоспели к самому началу. На большой поляне между двумя берёзами натянули простыню. Мы устроились в кустах.

Показывали кинокартину «По шущему велению». Так как был всего один киноаппарат, то после каждой части зажигали свет, чтоб зарядить новую ленту.

Не успели прокрутить первую часть, как Тяп-ляп начал задавать свои головотяпские вопросы, совсем как Вовка с нашего двора: «А что дальше будет?.. А почему он шуку отпустил?.. А почему зимой холодно? А почему у людей спереди нос?»...

Просто невозможно было с ним рядом сидеть, хоть домой уходи. Прыг-скок залезла от него на дерево. Тяп-ляп посидел молча минут пять и опять начал: «А почему? А почему?..»

— Замолчи, Почемучка! — не выдержал Задира и укусил его за ухо.

Тяп-ляп запищал от боли. Недолго думая, бросился на брата с кулаками. Пока мы их разнимали, зажёгся свет. И тут... Недаром нам всегда твердят, что баловство до добра не доводит. Сидевший ближе всех к нам мальчишка увидел забияк и схватил обоих драчунов за уши. Я сразу узнал этого мальчишку. Это был задавалистый центр нападения «Динамо» — Генка.

— Мяу! Отпусти их! — зашептал я, как кошка, когда увидит собак, и вцепился когтями в Генкину руку. Задира не растерялся, рванул вперёд, в руках Генки остался лишь клок шерсти. Но Тяп-ляп, конечно, упустил момент.

Генка отшвырнул меня, как котёнка, на другой конец поляны и радостно заорал: «Я зайца поймал!»

— Покажи! — обступили его ребята. — Ой, какой крошечный! Отпусти его обратно в лес...

— Мой заяц! — заважничал Генка. — Что хочу, то с ним и сделаю! Ваше какое дело! — И он ушёл в дом, где жили мальчишки.

ПОИСКИ

КОГДА прошла лесная «поверка времени», то есть пропели полуночные петухи, я отправился на розыски Тяп-ляпа.

Прежде всего нужно было обследовать дом, в котором жили мальчишки. Я пролез в щель под дверью, обошёл все комнаты. На раскладушках крепко спали ребята, но где же зайчонок? Я побывал в другом доме. Там спали вожатые. К девочкам не пошёл: они бы давно отпустили зайчонка. Поиски не принесли никаких результатов, а утро уже приближалось.

Пошёл дождь. Перепрыгивая через лужи, я перебежал двор и спрятался под навес, где была столовая.

«Куда же Генка спрятал Тяп-ляпа? Какой злой мальчишка, мучает животных!» — И со стыдом подумал, что совсем недавно сам был такой же.

Дождь лил, как из шланга, которым наш дворник поливает тротуары. Неожиданно я услышал, что где-то совсем рядом кто-то хлопает носом, точно простудился и получил насморк. Я пошёл на звук... Обогнул кухню, где сладко пахло пирогами. За кухней стоял ящик. С одной его стороны была железная сетка. Раньше в ящике жили морские свинки, а теперь томился, как в карцере, Тяп-ляп.

— Кис-кис, — прижался он мордой к сетке, — чем окончилась кинокартина?

— Подожди немного! Сейчас освобожу тебя и тогда отвечу на все твои вопросы.

Я кинулся к ящику. Щёколда дверцы была закручена толстой медной проволокой. Я зубами выдернул её. Теперь надо было поднять дверцу. Напрасно я совал под дверцу лапы, хвост — никаких результатов.

Кончилась физзарядка, ребята умылись. Тут только меня осенило — нужно найти рычаг, подsunуть его под дверцу, как лом под бревно, и приподнять её. Я кинулся со всех лап к кухне, схватил щепку и потащил её к клетке.

Но я слишком долго возился. У ящика стоял Генка с полотенцем в руках.

— Кто-то хотел выпустить моего зайца!

Он вынул из кармана ржавый замок. Щёлкнул ключ.

— Пускай теперь попробуют открыть без спроса. — Он опустил ключ в карман.

Обстановка осложнилась.

В ПОГОНЮ

ПОСЛЕ завтрака второй отряд, где был Генка, отправился в туристский поход. Ребята цепочкой потянулись к лесу. У каждого за спиной был тяжёлый рюкзак. Но пионеров не пугали никакие трудности. Они весело пели походную песню, и скоро последний пионер скрылся в лесу.

С каждой минутой ключ от ящика Генка уносил всё дальше и дальше.

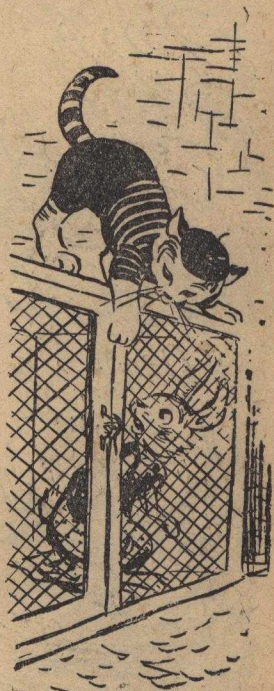
С друзьями мне предстояло встретиться «съём 4 кочана капусты после восхода». Тут я мысленно перевёл лесное время на обыкновенное.

Чтобы съесть кочан капусты, мне нужен час. Солнце встало в 5 часов. Сейчас 8 часов... Значит, всего и съешь 3 кочана..» Ещё ждать целый час. А за это время отряд уйдёт на несколько километров. Попробуй, догони его тогда!

Трак-трак! — вдруг услышал я над головой. На берёзе сидела Прыг-скок. Не успел поздороваться, как появились зайчата.

— Мы пришли орех в орех! Вот какие мы точные! — затараторил Хвастунок. Оказывается, я не рассчитал, что зайцы значительно быстрее меня уплетают капусту. По счастливой случайности, я назначил встречу не в 9, а в 8 часов.

— Слушай мою команду! — оборвал я Хвастунка. — Тихоня, беги к Тяп-ляпу; он в ящике за кухней. Нарви травы и покорми пленника! Остальные за мной! Обстановку разясню на ходу, — коротко скомандовал я.

Взяв горячий след, мы, как ищейки, пустились в погоню за Генкой.

ОПЯТЬ ГЕНКА

ПРЫГАЯ с кочки на кочку, мы перебрались через болото. Пионеры сидели около костра. Над костром на палке висел чайник и котёл с кашей.

После обеда отряд собрался дальше в путь.

— Геннадий, потуши костёр и догоняй отряд! — сказал вожатый. Над лесом зазвенела пионерская песня: «По улицам шагает весёлое звено».

Теперь Генка был в наших лапах. Я поставил своим друзьям боевую задачу: «Как только он выйдет на тропинку, ты, Задира, бросайся ему под ноги сзади. Ты, Хвастунок, разбегись посильнее и толкни Генку в грудь. А ты, Прыг-скок, кричи из кустов: «Не шевелись, а то съём!» Я же в это время выну из его кармана ключ от ящика. Понятно?

— Да, — ответили мои друзья.

Генка кое-как затоптал костёр. В костре вспыхнули недогоревшие сучья.

— Отставить атаку! — отменил я свой приказ. — Генка не потушил костра...

— Пожар! — с ужасом прошептала Прыг-скок. — Спасайтесь!

Действительно, лесу угрожало самое большое бедствие, которое только бывает на свете, — пожар. Но хорошо, что мы заметили вовремя опасность.

— Без паники! — успокоил я зверят. — Мы приняли срочные меры к тушению костра.

Задира и Хвастунок кинулись к болоту, окунулись в воду между кочками и, не переводя духа, вернулись к костру.

— Туши! — махнул я лапой.

Вы, наверное, видели, как собаки отряхиваются после купания. Если стоять близко, то вас обдаст брызгами с ног до головы. Точно так же стали отряхиваться около костра и зайчата. Ветки зашипели, огонь погас. Мы с Прыг-скок забросали угли землёй.

Теперь лес и его жители были спасены.

Отряд переправлялся вброд через реку. При виде реки у меня опустился хвост: как её переплыть? Брассом, кролем? Я ж не человек. По-собачьи? — Я не мог превратиться в собаку.

Выручил Задира. Он толкнул в воду кусок коры, лёг на неё животом и заработал лапами, как пароход колёсами. Я последовал его примеру. Переправа заняла всего несколько минут.

— Вот какие мы молодцы! — радостно воскликнул Хвастунок.

Пионеры тоже почти все переправились через реку. Предпоследним сошёл в воду Генка. За ним шла девочка Наташа. Она была шеф-поваром в отряде и никому не доверяла нести рюкзак с продуктами. Генка подошёл к крутому правому берегу. Ему подали руку. Он быстро вылез на сушу. Теперь была его очередь помочь Наташе. Но Генка даже не обернулся. Он стал надевать брюки. Девочка вздохнула и полезла на берег.

Вдруг ветка ветлы, за которую она держалась, треснула. Тяжёлый рюкзак перевесил, и девочка упала в воду.

После дождя течение было очень сильное, и девочку отнесло на глубокое место.

— Надо спасти Наташу! — обратился я к зайчатам. Задира и Хвастунок в три прыжка очутились около толстой ивы, которая нависла над берегом. Их зубы засверкали, как зубья электрической пилы. Ива затрещала и рухнула поперёк реки. Наташу поднесло к поваленному дереву. Девочка была спасена!

Правда, рюкзак с продуктами утонул. И сколько потом мальчишки ни ныряли с берега, кроме рваного ботинка ничего не нашли.

КОШКИНУ СТЫДНО ЗА ГЕНКУ

ПО-МОЕМУ, каждый из вас любит посидеть вечером у костра, в кругу хороших друзей. Огонь освещал лица ребят, языки пламени с тихим треском пожирали хворост... Так как продукты утонули в реке, кашу варить было не из чего, пили один чай.

— Подумаешь! — утешали друг друга ребята. — В походах ещё не то бывает...

Начались рассказы... Особенно много и интересно рассказывал вожатый. Он говорил о том, что в трудные минуты пионеры никогда не падают духом, о том, что пионеры всегда помогают друг другу.

Мы натаскали в дупло осины травы. В нашем логове было тепло, мягко и всё слышно.

Вдруг осина заскрипела. Что бы это могло быть? Я выглянул из дупла и тут же спрятался обратно: навалившись спиной на осину, сидел Генка и держал между ног рюкзак. Генка долго что-то искал в нём, потом достал кусок колбасы с булкой. Мы думали, что он хотел разделить свой НЗ с товарищами. Но Генка, давясь от жадности, стал пожирать свою колбасу.

— С таким товарищем я бы не хотел встретить в лесу волка, — сказал Задира.

— Вот какой плохой друг! — поддакнул Хвастунок.

— Я бы с ним не стала дружить, — согласилась с зайчатами Прыг-скок.

— Давайте его проучим, — предложил я.

И мы стали шёпотом обсуждать план разоблачения Генки.

Наевшись, Генка встал, спрятал в рюкзак недоеденную колбасу и булку, достал из кармана платок и обтёр губы. В это время в траву упал какой-то предмет. Это был ключ от ящика. Тяп-ляп спасён!

ВОТ КАКОЙ ТОВАРИЩ!

УТРОМ вожатый разбудил ребят словами: «Подъём! Костра не разводите. Завтракать и обедать будем в лагере...»

Пионеры умылись в роднике, быстро скатали одеяла. Генка всё время хотел улизнуть в кусты.

— Никуда не расходиться! — предупредил всех вожатый.

Да, я забыл сказать, что ночью Задира своими острыми зубами подточил Генкин рюкзак по шву. Сделал он это очень осторожно, так что зашить его снова, кто умел владеть иголкой и ниткой, не представляло никакой трудности.

Ребята собрались в обратный путь.

— Пошли!..

Генка тоже надел за спину свой рюкзак, но только сделал три шага, — трах! Шов разошёлся, и на землю упали полотенце, мыло, зубная щётка, одеяло и недоеденная булка с колбасой.

— В чём дело? — подбежали к нему ребята.

— А, вот ты почему вечером прятался в темноте от товарищей!..

Мы не стали слушать, что ответил Генка.

— Побежали! — толкнул меня в бок Задира, виновник этого переполоха. В зубах у меня был ключ от ящика, где сидел Тяп-ляп.

ТЯП-ЛЯП ЗАБЫВАЕТ СКАЗАТЬ СПАСИБО

ТИХОНЯ добросовестно выполнила свою задачу. Тяп-ляп был обеспечен травой на целый месяц.

— А где вы так долго бегали? — обрадовался нам Тяп-ляп. — А что это у тебя в зубах?..

— Мы ключ достали... Мы тебя сейчас выпустим... Вот какие мы верные друзья! — выпалил одним духом Хвастунок. Я вставил ключ в замок.

Ржавый ключ повернулся немного, заскрипел и остановился. Напрасно мы старались повернуть его, били замок камнями, — ключ заело.

— Что это за шум около кухни? — вдруг послышался женский голос. Мы спрятались под лопухами. Из кухни вышла повариха.

— Мария Ивановна! — закричала повариха. — Идите сюда! Посмотрите, какого красивого зайчонка поймали ребята...

Вслед за поварихой к ящику подошла старшая сестра Мария Ивановна. Это она неделю назад запретила мне появляться на территории лагеря.

— Опять инфекцию развели около кухни, — возмутилась она. — Только избавились от морских свинок, теперь новый зверь.. Это же контактный заяц... Он занесёт в лагерь стригущий лишай. Выпустите его немедленно!

Повариха открыла замок.

— А ну-ка, зверь, — засмеялась она, — марш отсюда!

Тяп-ляп пулей выскочил из ящика, забыв даже сказать спасибо.

БОБИК РАД ВОЗВРАЩЕНИЮ ХОЗЯИНА

ДРУЗЬЯ проводили меня до самой дачи. Мы долго прощались. Я обещал им писать и на следующий год обязательно приехать в гости. Было жалко расставаться с ними, но, что поделаешь, надо было возвращаться домой.

Зайчата сразу исчезли в траве. Дольше всех я видел Прыг-скок. Но вот не стало видно и её...

— Была не была! — решил я. — Приду к бабушке и всё расскажу. Она, конечно, поругает вначале, а потом и пожалует, молочка в блюдечко нальёт...

Но впереди меня ждало ещё одно испытание: я забыл про Бобика. Он кинулся на меня, как разъярённый слон...

— Ав! — зарычал он. — Несчастный котёнок! Я разорву тебя на части... Ав-ав!..

От страха я прижался к земле, хвост мой встал трубой.

— Я твой хозяин! — зашипел я.

Но какой Бобик поверит, что котёнок — его хозяин!

— Врунишка! — зарычал он. — Спасайся! — и бросился на меня.

— Не обижай маленьких! — вдруг послышалось грозное мяуканье. С забора прыгнул огромный кот и заслонил меня от разъярённого друга.

Бобику вовсе не хотелось вступать в бой с таким грозным противником. Он поругался немного, поскрёб землю ногами и убежал.

— Большое спасибо, — стал я благодарить своего спасителя и вдруг от смущения замолчал: моим защитником был кот Васька.

— Василий Котófеевич! — Мне было очень-очень стыдно. — Помните, я подбил вам лапу?.. Извините, я больше никогда не буду обижать животных.

Кот Васька замурлыкал: — Смотри, будь верен своему слову. Извиняю! — Потом он прыгнул на забор и убежал.

И я почувствовал, что начал расти. Вот я уже стою на двух ногах, а сзади нет никакого хвоста.

Бобик встретил меня радостным лаем. Он бегал вокруг меня, прыгал на грудь.

И я простил его, потому что был виноват в его поведении — сам натравливал всегда на кошек.

— Где ты пропадал две ночи? — напустилась на меня бабушка.

— С пионерами в поход ходил, — объяснил я своё отсутствие.

Мишка замолчал. Во дворе опять стало тихо-тихо, только Петенька сладко посапывал во сне носом. Луны уже не было — она спряталась за крышу дома.

— У нас в школе тоже такой Генка был! — Вовка считался во дворе вторым после Мишки рассказчиком. — Был у нас воскресник. Все ребята пришли, а он притворился, что ногу вывихнул...

Мы приготовились слушать новую историю, но нам помешал дворник дядя Коля.

— Ах, вот вы где спрятались! — закричал он на нас. — Родители с ног сбились — ищут своих деток... Марш домой спать!

Орлята

Курган Мамаев знаменит,
Прославлен он в боях —
Под Сталинградом был добит
На том кургане враг...

Однажды, зимнею порой,
Взойти на тот курган
Решил в морозный выходной,
Взяв лыжи, мальчуган.

С вершины — город на виду
Почти на десять вёрст!
И Волга зимняя во льду
Легла, как прочный мост.

Он встал на старт:
— Курган высок!..
Назад? Ни-ни! Держись!
И, рассчитав точней бросок,
Махнул на лыжах вниз...

Ему навстречу поворот
Стремительно летит,
А он своё:
— Вперёд, вперёд! —
Настойчиво твердит.

На Волгу он бросает взгляд
С огромной высоты,
Навстречу стороной летят
Пушистые кусты...

Брони фашистской промелькнёт
Заржавленный пролом
Да шестиствольный миномёт
С единственным стволом.

Колючих проволок обрыв
Мелькнёт на трёх колах
У каждой вражеской норы,
Где пал когда-то враг...

Гора окончилась. И там
К нему друзья гурьбой:
— Ты покажи дорогу нам,
Звенюм пойдём с тобой!

Растит наш город Сталинград
Своих, потомственных орлят.

Как Ваня Белов в каменном веке был

Р А С С К А З

ДОМОЙ Ваня Белов вернулся не в духе. Тройка по истории не выходила из головы. Вообще-то историю Ваня не очень любил, а тут ещё такая тема: «Жизнь первобытных людей!» Нужны они Ване, эти всякие пещерные жители!

Вообще-то тройка — это не так уж мало. Её всегда можно исправить на четыре и даже на пять. Но, с другой стороны, с неё и на двойку скатиться недолго. Ваня так огорчился, что, даже не поужинав, лёг спать. Но и тут история не выходила из его головы.

Он вдруг увидел, что идёт по какому-то лесу. Станный лес: то ли сосны, то ли древовидные папоротники над головой шумят. Страшно! В таком лесу и с саблезубым тигром недолго встретиться, а он, как на грех, даже перочинного ножа с собой не взял.

А вот какая-то пещера... Это уже лучше: можно спрятаться. Ваня залез в пещеру. Темно, но всё-таки кое-что видно. Посредине — очаг: угольки, палочки... На стене какие-то фигуры нарисованы: то ли слоны, то ли быки — ничего не понять: наверное, какой-нибудь первоклассник трудился.

В углу стоят не то копья, не то дротики. Ваня уже решил парочку из них с собой захватить. Как-никак, а брат-то у него всё-таки чемпион школы по метанию копья, ему они могут пригодиться.

В углу Ваня ещё какую-то палку нашёл. К ней камень привязан, вроде топора. «Тоже мне, туристы, — подумал он. — Не могли в магазине настоящий купить!» И тут вдруг Ваня подумал: «А что если он это в каменный век попал? Вот так номер! Как же ему обратно-то теперь? Тут, поди, пока до автобусной остановки идёшь, так ой-ё-ёй! Да ещё в гору. Безобразие!»

Не успел Ваня как следует разобраться во всём случившемся, — у входа в пещеру человек появился, за ним другой, третий... Говорят о чём-то. А о чём — ничего не поймёшь. А сами к Ване ближе и ближе подходят, окружают вроде.

Ваня хотел бежать, вырваться, но получил отпор. Он заме-

тался, как тигр в клетке. А круг постепенно сужался. Один из людей прокричал что-то на непонятном языке и схватил Ваню за шиворот, занёс над его головой топор. Ваня замер от страха, слова сказать не может. Сейчас его убьют!

И вдруг слышит он, кричит кто-то громче всех. Поглядел — в пещеру Борис Петрович, учитель его, вбегает. Поговорил, поговорил Борис Петрович с первобытными людьми, те Ваню на землю опустили, расступились немножко. Ваня сразу к Борису Петровичу бросился.

— На каком это языке вы с ними говорили? — спрашивает.

— На их языке, — отвечает Борис Петрович.

— А откуда вы его знаете?

— Так я же люблю историю, — улыбается Борис Петрович, — изучаю её, вот и знаю.

— А меня они за что так? — допытывается Ваня.

— А тебя за то, что ты не уважаешь их.

— Как это не уважаю? Почём они знают?..

— Да по твоим ответам на уроке.

Ваня замолчал. Стоит, смотрит на первобытных людей, а они на него смотрят. Только Ваня хотел что-то сказать, чувствует, кто-то его за руку — цап!

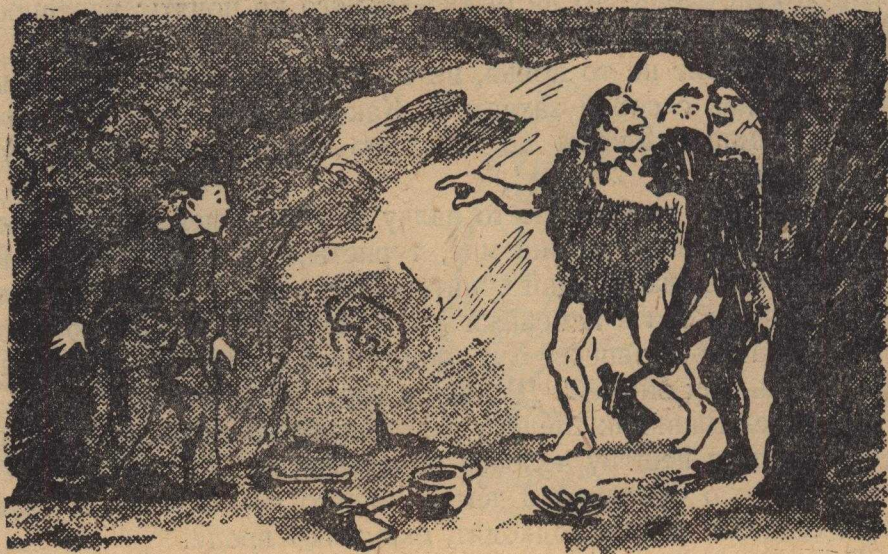
Повернулся Ваня и... проснулся. Бабушка его в школу будит:

— Вставай! Вставай! Время уже.

Ваня даже обиделся:

— И совсем не вовремя ты меня разбудила, — говорит. — Я же перед первобытными людьми извиниться не успел.

Таня РОГАЧЁВА, 5-в класс, 199-я школа

М О Р О З

Нашим просторам январь преподнёс
Тридцатиградусный русский мороз.

Сразу мороз в нашем тихом селе
Герб свой поставил на каждом стекле.

Сам, как свирепый противник тепла,
Инеем ель накалил добела,

Так ребятишкам он руки пожал,
Что на щеках у них вспыхнул пожар.

Ветер удрал, как испуганный пёс,
Словно его заморозил мороз.

Трубы весь дым выдыхают в зенит,
Снег под ногами прохожих звенит.

Брёвна домов и деревья трещат —
'Аплодисменты морозу гремят!

Сергей МАКАРОВ
10-й класс, Кингисеппская
средняя школа

З И М А

Припудренная инеем,
Надела шубку зимнюю
Зелёная сосна.
Берёзки обнажённые,
Снежком посеребрённые,
Столпились у окна.

Сияет солнце розово.
С метелями, морозами
Уже идёт сама
Красавица румяная,
Весёлая, желанная
Российская зима!

Юрий ПАРКАЕВ,
9-а класс, 261-я школа

НЕ НАРУШАТ!

В саду не слышно песен
звонких.

Настала ночь. Везде покой
и тишь.

Во сне раскинув пухлые
ручонки,

В своей кроватке сладко
спит малыш.

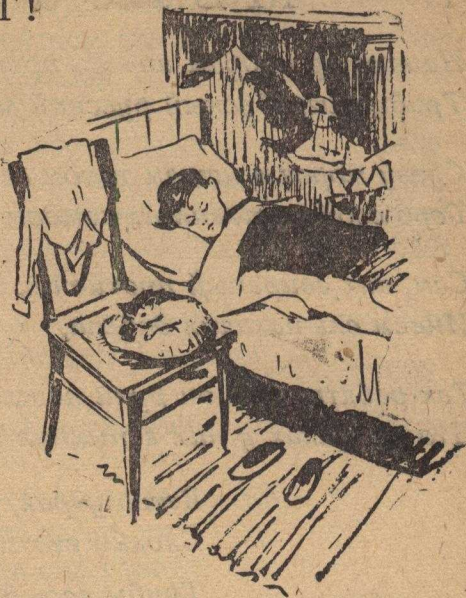
А где-то далеко, за океаном,
В такой же тихой, сумрачной
ночи

Готовят бомбы, пушки
слишком рьяно —

Мальчонке смерть готовят
палачи.

Но не нарушат мирный сон
ребёнка

Ни бомба, ни взорвавшийся
снаряд —

На страже сна советского
мальчонки

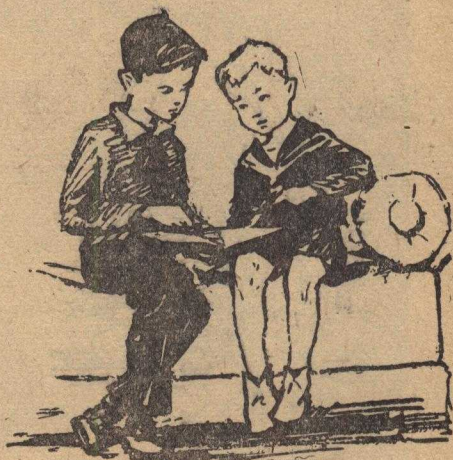
Стоит Советской Армии
солдат.

Мargarита ПАВЛОВА
9-а класс, 215-я школа

КНИЖКА

Сидел я с братишкой,
Читали мы книжку
Про бой, про великую Русь.
Как шли партизаны,
Стреляли наганы,
Гранаты рвались
За нашу счастливую жизнь!

Женя СОЛОВЬЕВ
2-б класс, 4-я школа

Рисунки Е. Парфёнова

Любишь кататься, люби и саночки возить

(Рассказ в рисунках М. Бекташева)

ДЕСЯТЬ лет назад два молодых чеха, инженеры, друзья Иржи Ганзелка и Мирослав Зикмунд, отправились на легковой автомашине «Татра» в путешествие вокруг света. За три с половиной года они проехали по многим странам Африки и Южной Америки. Во время этой поездки они видели много интересного, встречались с различными людьми. С ними самими случались всевозможные происшествия и приключения. С пути они присылали очерки, которые печатались в чехословацких газетах, передавались по радио.

Возвратясь из поездки, друзья выпустили два документальных кинофильма — «Африка» и «От Аргентины до Мексики», написали семь томов книги о своей поездке, полной трудностей, неожиданностей и опасностей.

Ганзелка и Зикмунд, выросшие в трудовых семьях, внимательно присматривались к жизни простых людей различных стран и видели, как капиталисты держат их в темноте и невежестве, чтобы легче было нещадно эксплуатировать, как заставляют даже маленьких детей выполнять непосильную и опасную работу, которая нередко кончается увечьем и даже гибелью ребят.

Сейчас Ганзелка и Зикмунд готовятся в новое путешествие, рассчитанное на несколько лет, во время которого они посетят страны Среднего и Дальнего Востока, Азии, побывают и у нас в Советском Союзе.

Отрывок, который мы печатаем, взят из книги о Южной Америке, из второго, ещё не опубликованного тома «Через Кордильеры».

★

*Иржи Ганзелка
и Мирослав Зикмунд*

Рисунки Р. Фридмана

Через Кордильеры

С ПОМОЩЬЮ ПРОКЛЯТОЙ КОКИ

ЧЕМ дальше продвигались мы, тем труднее становилось дышать.

Мартинес, молодой горняк-мексиканец, то и дело останавливался, чтобы выровнять дыхание. Мы были на глубине 130 метров под вершиной Серро де Потоси, на высоте 4.700 метров над уровнем моря.

— Бревен вас сюда ни за что бы не повёл, — сказал неожиданно Мартинес. — Он человечнее, чем остальные гринго, но не в его интересах делать так, чтобы вы узнали всю правду. Видите вон те маленькие дыры на склоне? Это не пробные скважины и не кроличьи норы. Там всюду работают апири.

Мы уже знали, кто такие апири. В который раз приходилось нам слышать страшную правду о детях, работающих под землёй. И всё же мы никак не хотели поверить, что в двадцатом веке подобное явление может

не только существовать, но и считаться вполне нормальным, как это было в «минас чикас» — небольших шахтах под вершиной горы Потоси.

Мартинес не ограничился беглым замечанием: он задумал убедить нас.

— Вы бы могли увидеть апири за работой, но для этого вам пришлось бы ползком пробираться по их мышиным норам, чтобы попасть в забой. Владельцам маленьких шахт не хочется затрачивать свои капиталы на пустое для них дело — прокладку нормальных штреков и штолен. Поэтому для работы им больше всего подходят апири. Хозяева зарабатывают на них вдвойне. Апири можно нанять за пару сентаво,* но самое главное — апири в состоянии пролезть сквозь любую щель, ибо они маленькие. Владельцам рудников не приходится платить за вывоз пустой породы, чтобы обеспечить рабочее место забойщикам. До своих

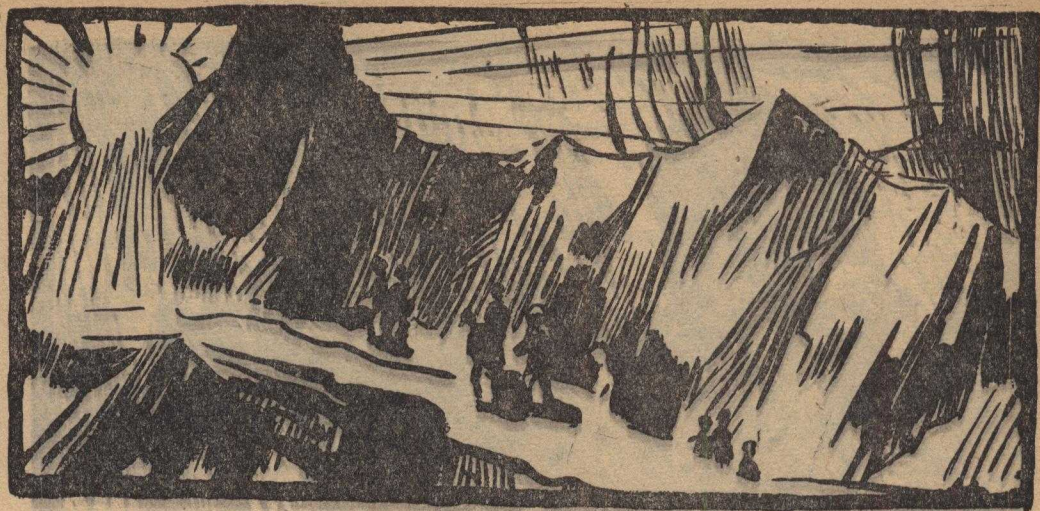
* Сентаво — мелкая монета в Перу.

участков взрослые горняки кое-как доползают, но, нагрузи их рудой, — и они застрянут. Поэтому апири заняты здесь, главным образом, тем, что доставляют на поверхность руду

в кожаных мешках, которые называются «ботас»...

— Следовательно, апири, — это, собственно говоря, возчики без вагонеток?

— Совершенно верно. Вместо выскоких, безопасных штолен и километров рельсовых путей, вместо вагонеток и прочих вещей, требующих затрат, — только ботас и апири.

— Как же эти ребятишки работают?

— Главное, чтобы апири был маленький. Взрослые горняки в конце штольной рубают руду, наполняют ею кожаные мешки и привязывают их мальчикам к ногам. До самого выхода на поверхность апири ползут на животе и на четвереньках, волоча за собой этот груз.

— Сколько же лет этим апири?

— Они начинают с семи—восьми лет. Некоторые выдерживают довольно долго. Здесь можно найти даже шестнадцатилетних.

Холодный ветер налетел на склон, гоня перед собой тучи пыли. Мы укрылись на минуту, ожидая, пока он утихнет. В это время из-за скалы показалась группа индейских мальчиков, возвращавшихся с работы. Они были совершенно обессилены, молчаливы и сгорблены, как старики. Один за другим скатывались эти ребята по сыпучим камням склона, на котором кое-где были протоптаны дорожки. В руках они держали порванные кожаные фартуки.

— Этим они защищают свои руки и ноги, чтобы не ободрать их в кровь...

Мы попытались остановить нескольких мальчиков, но они в страхе разбежались и теперь быстро скользили по склону, догоняя остальных.

— Сколько часов в день они работают, сеньор Мартинес?

— Здесь не действуют никакие нормы рабочего времени. Этим горнякам приходится особенно туго ещё и оттого, что они вынуждены лазить к своим рабочим местам на высоту четырёх тысяч метров. Каждая такая дорога на работу означает, по сути дела, хороший альпинистский поход. А в условиях разрежённого воздуха это не пустяк даже для тех индейцев, которые родились и выросли тут. Взобравшись наверх один раз, они работают без еды и сна часов шестьдесят кряду, делая лишь короткие перерывы...

— Но это же невозможно! Вы когда-нибудь пробовали не спать шестьдесят часов?

— Я ведь не жую коку.* Знаете, что делает с человеком это зелье? Кока — сграшная вещь. Она заставляет позабыть о голоде, жажде и сне. Она превращает человека в автомат. Впрочем, можете в этом убедиться сами. Вот эти маленькие рудокопы выдерживают на работе двое—трое суток, но зато после этого остаются дома не меньше, чем

* Кока — наркотическая жвачка.

на три дня. Они едят и отсыпаются, набирая сил для следующей смены.

— Не сердитесь, пожалуйста, но мы не в состоянии выдержать здесь трое суток, чтобы убедиться в этом.

— Тогда спросите любого здешнего горняка. И пусть он вам расскажет о катастрофе на руднике Пайлавири! В прошлом году у них там сорвалась подъёмная клеть и на нижнем ярусе завалило целую штольню. Шесть дней пробивались мы к засыпанным рудокопам, пока нам не удалось услышать их стук. Следовательно, они ещё были в силах самостоятельно прорубаться к нам. Всё это время они обходились без еды; вода была на исходе. Но горняки имели запас коки, и все жевали её. Мы докопались до них на девятый день. Живым оказался только один, но и по мёртвым можно было видеть, с каким отчаянием до самого последнего момента боро-

лись они со смертью. От спасённого шахтёра остались буквально кожа да кости, но он дышал. Кока высосала из него последние капли сил; поправиться он уже не мог. Мы вынесли его на свет, и через несколько часов он умер...

Медленно возвращались мы с вершины Богатой горы. Перед нашими глазами всё время стояла потрясающая картина того, как в узких щелях, идущих из глубин земли, мелькали измождённые, грязные от пыли детские лица; как апири привычным, автоматическим движением опораживали мешок, привязанный к ногам, чтобы снова исчезнуть в норах, которые не имели ничего общего со штольней в обычном понимании. На всём нашем пути не было более ужасного зрелища и более страшного обвинения против тех, для кого ценно всё, кроме человеческой жизни, человеческого достоинства, судьбы детей...

Перевод с чешского

С. БАБИНА и Р. НАЗАРОВА

(Продолжение следует).

Медицина в 2000-м году

(Стенограмма лекции, прочитанной профессором К. В. Телегиным
25 февраля 2000 года в Центральном школьном лектории)

К. В. ТЕЛЕГИН. Дорогие друзья! Мы уже привыкли с вами к тому, что каждое выступление учёного, приглашённого в ваш лекторий, слушают и смотрят миллионы ребят. Привыкли мы и к тому, что двусторонняя телевизионная связь, соединяющая нас, позволяет забыть о тысячекилометровых расстояниях, отделяющих лектора от его аудитории, и вести оживлённый обмен мнениями. Будем надеяться, что и на этот раз чёткая работа операторов Главного телецентра обеспечит нам полный порядок такого разговора.

Я начал свою лекцию с такого вступления с очень простой целью: хочется, чтобы вы ещё раз задумались о том, как велики достижения современной науки и техники. Как-нибудь 43 года назад человечество восхищалось первыми советскими искусственными спутниками Земли. А сегодня мне достали радиограмму от моего друга доктора Орловского, возглавляющего на Луне поликлинику № 18! Как видите, Луна становится довольно обжитой планетой. А первые пробные полёты вокруг Марса, а наши сверхмощные атомные электростанции, грузовые и пассажирские межконтинентальные ракеты, установки по управлению климатом — разве перечислишь все победы, одер-

жанные человеческим умом к началу третьего тысячелетия?!

Могла ли медицинская наука отстать от этих достижений? Конечно, нет. Ведь главным-то в нашей жизни по-прежнему остаётся человек! Он должен быть, прежде всего, здоровым. Лишь тогда сумеет он стать не только властелином Земли, но и Вселенной.

Вот давайте и поговорим о том, что достигнуто медициной к началу XXI века.

Её главное достижение заключается в том, что врачи победили многие болезни, считавшиеся ранее неизлечимыми. Великая победа! Теперь наша задача сводится, в основном, к тому, чтобы предупредить заболевание, не подпустить болезнь к человеку.

Как это делается?

Ещё 50 лет назад была общеизвестна истина: здоровье надо укреплять с детства. Да вот беда: истину-то знали, да не всегда ей следовали. И повинны были в этом сами ребята. Помню, например, как меня, двенадцатилетнего пятиклассника, приходилось уговаривать, чтобы я делал утреннюю гимнастику. Благодарю вас, товарищ оператор телецентра, вы совершенно правильно поступили, показав сейчас на экранах телевизоров несколько смеющихся лиц наших

слушателей! Да, друзья, вам смешно и непонятно, как мог я в детстве совершить такую глупость: отбрыкиваться от физзарядки!

Итак, занятия спортом с самых юных лет для всех без исключения ребят и в любое время года очень помогают нам, врачам, воздвигнуть стену между человеком и болезнью. Это мощное оружие в борьбе за здоровье людей. Ведь совершенно очевидно, что сильный, закалённый организм значительно успешнее отбивает атаки болезнетворных микробов, а уж если случилось ему заболеть, то и с болезнью ведёт он сокрушительное для неё сражение.

Специальные профилактории — учреждения по предупреждению заболеваний, а также то, что все граждане получают теперь необходимое количество медицинских знаний, тоже помогли врачам укрепить здоровье людей.

Какие же болезни мы победили?

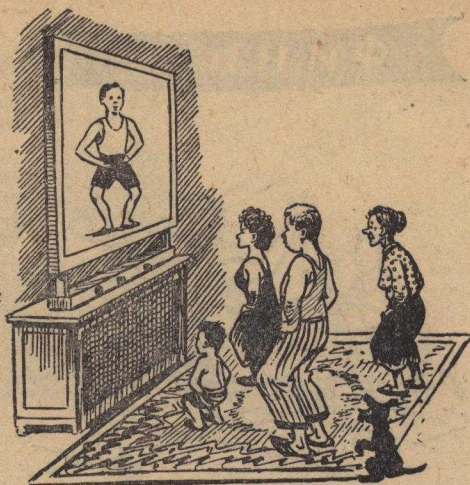
Начну с самой главной. Но сначала позвольте спросить вас, сколько мне примерно лет?

(На телевизионном экране, установленном над кафедрой профессора, появляется курносая физиономия большеглазого мальчика. Голос диктора: «Костя Синицын, школьник из Тамбова»).

КОСТЯ СИНИЦЫН. Уважаемый Кирилл Васильевич! Я могу ответить на Ваш вопрос совершенно точно. Недавно в кинохронике Вас показывали в лыжных гонках на 10 километров. Вы пришли к финишу третьим. Было объявлено, что Вам 63 года. А победил один девяностолетний перворазрядник. Здорово шёл!

К. В. ТЕЛЕГИН. Спасибо, Костя, можешь сесть. Да, друзья, он прав. Но задал я свой вопрос не для того, чтобы вас удивить. Скорее удивит вас вот это.

(На экране проходят кадры из старой, производства 1958 года, кинохроники. Согбенный, морщинистый человек что-то объясняет окружающим его ребятам).

К. В. ТЕЛЕГИН. Сколько лет вот этому старичку?

ГОЛОС КОСТИ СИНИЦЫНА. Сто пятьдесят!

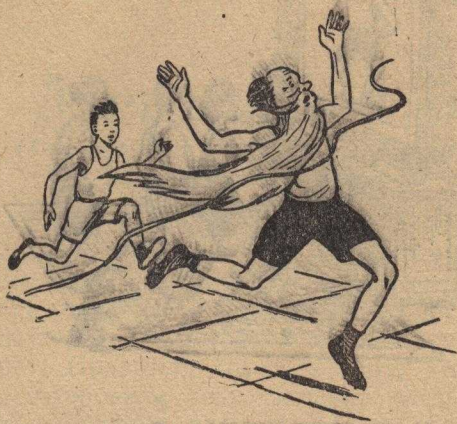
К. В. ТЕЛЕГИН (печально улыбаясь). На этот раз ты ошибся. Я храню эту драгоценную киноплёнку потому, что на ней запечатлён мой покойный дядя. Ко времени съёмки ему было всего 79 лет.

(На экране — внезапное затемнение, затем мерный голос диктора: «Главный оператор просит прекратить подачу сигналов с возгласами возмущения и не забывать о порядке двустороннего телевизионного обмена»).

К. В. ТЕЛЕГИН. Ага, понятно! Вы возмущены, вы считаете моё сообщение неуместной шуткой? Но уверяю вас, что я говорю сущую правду! Да, нам сейчас странно и дико слышать, что пора яркого расцвета человеческого организма — возраст от 60 до 90 лет — считалась в 1958 году порой физического увядания и одряхления!

Медицина победила эту страшную болезнь — преждевременную старость, продлила жизнь людей. Как мы этого достигли? Я не буду здесь говорить о значении тех мер, которые предприняты вообще для улучшения условий труда, оздоровления всей жизни человека нынешнего коммунистического общества. Мы коснёмся лишь медицинской

Ф И Н И Ш

стороны вопроса о долголетию, поговорим о тех научных способах борьбы со старостью, которыми сейчас вооружена наша наука.

Итак, почему же человек стареет?

Врачи знали: это происходит потому, что с течением времени в организме уплотняются стенки кровеносных сосудов, а через плотную стенку хуже, медленнее идёт обмен веществ между кровью и клетками тела. Что это за обмен? Клетки отдают в кровь отработанные вещества и получают из неё кислород, а также различные питательные вещества, необходимые для жизни клеток.

За годы жизни организма страшные изменения происходят в клетке. Поскольку обмен веществ замедляется, отработанные вещества, задержанные в ней, отравляют её. Питание поступает медленно, клетку изматывает всё больший и больший голод. Разрушаются, приходят в состояние измождения клетки — значит, стареет и разрушается весь организм.

Но вы спросите меня: почему всё-таки уплотняется стенка кровеносного сосуда? Потому, что в ней со временем начинает откладываться особое вещество — холестерин. Как же избежать всего этого?

На уроках химии вам расскажут, что многие вещества, из которых

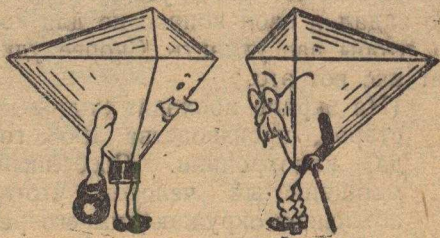
состоит живое тело, обладают любопытным свойством. Если рассматривать под увеличительным стеклом кристаллы этих веществ, станет заметно, что такие кристаллы обычно бывают двух видов. Вот как они выглядят.

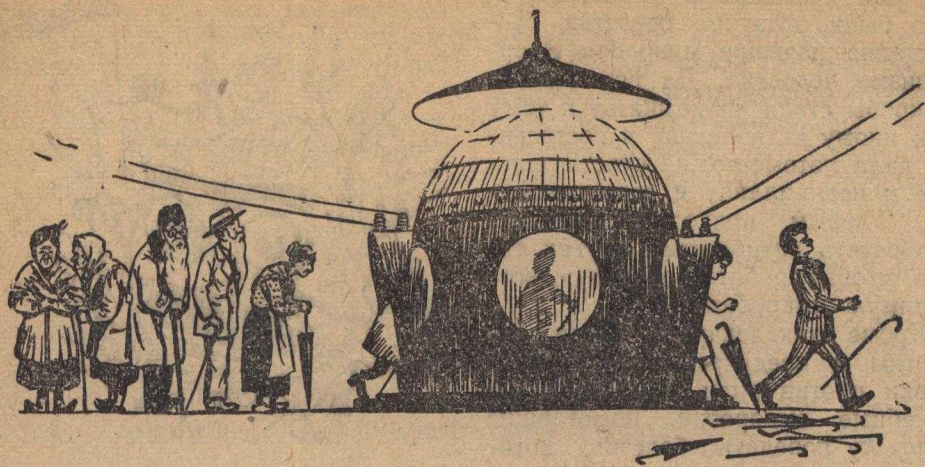
(Снова вспыхивает экран, на нём появляются увеличенные линзой кристаллы).

К. В. ТЕЛЕГИН. Обратите внимание вот на эти два кристалла. Правда, они чем-то похожи друг на друга? Но у одного больше выступают левые грани, а у другого — правые. Попробуйте мысленно сложить оба кристалла. Они совпадут, как совпадают сложенные ладонь к ладони левая и правая руки.

Так вот кристалл первого типа называется «левым изомером», второго — «правым изомером». Какая громадная разница между ними! Оказывается, левые изомеры одного химического вещества быстрее вступают в соединения и быстрее разлагаются, чем правые. Иными словами, обмен веществ в клетках, содержащих преимущественно левые изомеры, происходит быстрее. Затем учёные установили, что, как и следовало ожидать, в клетках молодого организма преобладают левые изомеры, а в клетках старого — правые. Значит, что нужно сделать, чтобы омолодить организм? Вы, наверно, уже догадались: следует превратить правые изомеры, изомеры старости, в левые — в кристаллы продолжительной юности!

Уже добрый десяток лет действуют в наших государственных пунктах омоложения специальные электронные установки. Это очень сложные устройства, я не стану их опи-

сывать. Напомню вам только, что каждый гражданин подвергается воздействию такой установки, омолаживающей клетки его организма, преобразующей правые кристаллы в левые. А для того, чтобы удалить из клеток накопившиеся в них за долгие годы жизни отработанные вещества, используют так называемые иониты. Удивительной способностью обладают они: впитывают в себя некоторые вещества, причём каждый вид ионитов впитывает одно определённое. И вот поступают так: вводят в кровь стареющего человека раствор ионитов; этот чудодейственный раствор как бы вытягивает из мозга, сердца, печени вредоносные для них вещества. Организм молодеет!

Владеют врачи и другими способами омоложения. Взять хотя бы новые средства, получаемые из некоторых желёз человека, — так называемые эндокринные препараты, а также недавно полученные витамины, особенно витамин Ф. Назначение этого витамина очень важное: он препятствует отложению холестерина в стенках кровеносных сосудов.

Вот всё это, друзья, и привело к тому, что сейчас человек в среднем живёт 100—120 лет. Это в среднем. А сколько у нас людей, которые уже достигли 150-летнего возраста и, вполне возможно, доживут и до двухсот лет! Здоровье у них непло-

хое, самочувствие прекрасное — жить им да жить!

(Голос диктора: «Поступают многочисленные сигналы с бурными аплодисментами». Профессор Телегин аплодирует тоже).

К. В. ТЕЛЕГИН. Так была побеждена страшнейшая болезнь, которая называется преждевременным старением. Но не меньшим бичом для человечества были и так называемые инфекционные заболевания, то есть болезни, вызываемые разнообразными микробами.

Из книг вы, наверно, знаете о том, что в старину существовали ужасные болезни, вроде чумы, оспы, холеры, тифов. Они вызывали эпидемии, то есть массовое и одновременное распространение такой болезни в обширном районе. В средние века эпидемия чумы унесла в Европе 25 миллионов человек. И много позже оспа, холера, тифы нередко посещали Европу, а в странах Азии наблюдались даже лет 50 назад. Но не только эти острозаразные болезни держали в страхе людей. Существовали и такие заболевания, как туберкулёз, ревматизм, воспаления внутренних органов, — хоть и не острозаразные, но протекавшие очень тяжело. Они тоже вызывались микробами.

Врачам 40-х, 50-х годов XX столетия были известны лекарства, вроде пенициллина и стрептомици-

на, так называемые антибиотики. Это были отличные средства, беспощадно разящие микробов в организме человека. Да вот беда — микробы стали «привыкать» к тому или иному антибиотику и постепенно дали потомство, не чувствительное к пенициллину и стрептомицину. Учёным приходилось спешно изобретать антибиотики других типов, чтобы пробить «оборону», возводимую микробами.

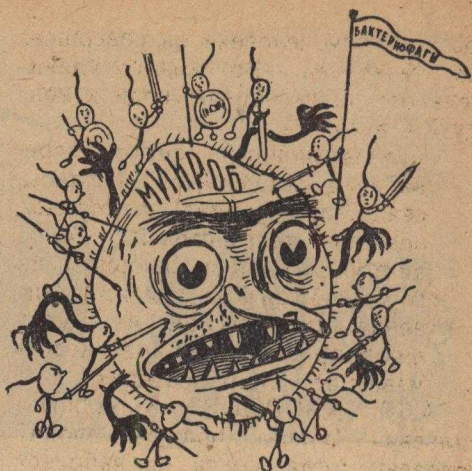
Кроме этих лекарств, были известны и предупредительные прививки против ряда заболеваний и лечебные сыворотки, помогавшие человеку победить болезнь, которая его уже атаковала. И всё-таки эти средства не удовлетворяли полностью — не всегда их действие было успешным.

И вот, друзья, ещё в конце XIX века крупнейший русский учёный Н. Ф. Гамалея открыл удивительное явление. Он установил, что в пробирке с микробами иногда поселяются мельчайшие существа — куда меньшие, чем микробы. Эти существа удалось разглядеть лишь с изобретением электронного микроскопа, дающего увеличение в 20 тысяч — 100 тысяч раз. Знаете, чем оказались эти «сверхкрохотные» существа? Беспощадными пожирателями микробов! Прошу включить киноаппарат.

(На экране возникает многократно увеличенное тело микроба. Со всех сторон оно облеплено «пожирателями микробов» — овальными образованиями, похожими на головастиков. Кадр за кадром показывают уменьшение микроба, пока от него не остаются небольшие частички. Но вот ещё несколько кинокадров — и от микроба остались, как говорится, «рожки да ножки» — он исчез).

К. В. ТЕЛЕГИН. Перед вашими глазами прошло сражение, окончившееся полной победой этих мельчайших существ. Их называли бактериофагами.

Казалось бы, можно было торжествовать: у человека нашёлся

верный и могучий союзник в борьбе с болезнетворными микробами. В 20-х годах прошлого века бактериофаг стали применять при лечении инфекционных, то есть заразных заболеваний. Но вместе с удачами последовали и неудачи. У одного больного микробы, вызвавшие заболевание, погибли под действием бактериофага, а у другого, заболевшего той же болезнью, стойко сопротивлялись этому действию. Иными словами, бактериофаг пожирал только определённую, как мы говорим, семью данного микроба.

Тогда учёные попробовали выращивать бактериофаг на микробах, взятых непосредственно из крови заболевшего, то есть для семьи микробов, поселившейся в организме каждого нового больного, создавался и свой «пожиратель».

Такой бактериофаг действовал уже куда лучше. Но, во-первых, далеко не всегда можно было выделить микробы из крови, а во-вторых, на выращивание бактериофага таким способом уходило много времени. Нет, следовало искать что-то другое!

И вот 25 лет назад, в 1975 году, был получен первый «пожиратель микробов», сокрушающий все и всякие микробы. Его назвали полифагом. Любые возбудители различных болезней, какого бы вида они ни были, не в силах устоять против беспощадного удара поли-

фага. А для человека он совершенно безвреден. Вот какого удивительного друга обрели люди к концу XX века!

(Телевизионный центр передаёт восхищённые возгласы, свидетельствующие о горячей реакции телезрителей. Голос диктора: «Галина Скворцова из города Улан-Удэ просит извинения у профессора и задаёт ему вопрос». На экране — недоумевающее лицо девочки).

ГАЛЯ СКВОРЦОВА. Кирилл Васильевич! Значит, полифаг вводит человеку тогда, когда он заболит заразной болезнью? Но я ни разу не слышала ни об одном случае такого заболевания!

К. В. ТЕЛЕГИН. Совершенно верно, инфекционных или заразных болезней на Земле больше нет. Твоим родителям, как и всем гражданам, лет двадцать назад был введён полифаг. А ты получила его ещё новорождённой, вместе с молоком матери. Полифаги живут в твоём организме и беспощадно пожирают все и всяческие микробы.

(Голос диктора: «Настоятельно просит слова Саша Кудреватых из станицы Александровская, участник школьного кружка юных медиков». Саша — большелобый, в очках — солидно откашливается).

К. В. ТЕЛЕГИН. Слушаю вас, коллега.

САША КУДРЕВАТЫХ. Извините меня, профессор, но, по-моему, учёные совершили большую ошибку, так безжалостно расправившись со всеми микробами... Лёнька, не дёргай меня за штаны, я знаю, что говорю!

К. В. ТЕЛЕГИН (улыбаясь). Невидимый нам Лёня, пожалуйста, не гневайся на твоего приятеля! Он задал очень дельный вопрос. Действительно, атаковав полифагом все микробы, учёные рисковали совершить важную ошибку. Ведь, скажем, давно известно, что микробы кишечника — кишечные палочки — положительно влияют на переваривание пищи. А теперь кишечная палочка под действием полифагов ис-

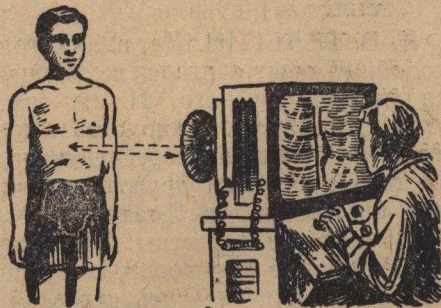
чезла! Как же поступить, чтобы не нарушить пищеварительный процесс? Очень просто: в пищу человека добавляются некоторые вещества, так называемые ферменты, которые заменили по своему действию кишечную палочку. И для других «добрых», нужных человеческому организму микробов найдены достойные заменители!

Но, отыскивая средства против инфекционных заболеваний, учёные продолжали сражаться и с такими страшными незаразными болезнями, каким считался, например, рак. Ещё полвека назад врачи успешно лечили людей, у которых эта болезнь не была запущена.

(Голос диктора: «Поступают многочисленные сигналы с вопросами: «Что такое рак?»).

ПРОФЕССОР. Это быстрое, естественное разрастание какого-то участка человеческого тела. Появившаяся опухоль, увеличиваясь, разрушает соседние органы и ткани и губит человека. Так вот, основным способом излечения была хирургическая операция, удаление опухоли. Впрочем, в ряде случаев применялась и «бомбардировка» зловещных раковых опухолей рентгеновскими лучами, радием и искусственными радиоактивными веществами, которые обладают свойством убивать раковую клетку. И всё-таки лучевое лечение в те годы оставалось второстепенным. Дело в том, что радиевые лучи и лучи Рентгена убивают всякую живую клетку, хотя их действие быстрее сказывается на клетках рака.

Значит, задача учёных заключалась в том, чтобы обезопасить живую клетку от поражения во время

того, как происходит «бомбёжка» раковой. Как же решили эту задачу?

Как говорится, всё гениальное просто. Было создано искусственным путём такое радиоактивное вещество, которое, разрушая раковые клетки, не успевает поразить живые. Почему? Да потому, что оно само быстро распадается на вещества, совершенно безвредные для живой и здоровой ткани.

Следует сказать, что и заболевание этой болезнью мы распознаём теперь значительно раньше. Помимо новейших способов исследования крови, врачам помогают и специальные радиолокационные установки. Подобно тому, как в старину, скажем, такие установки «видели» ночью далёкий самолёт, так теперь радиолокационный луч, исследуя человеческий организм, отражается от зарождающейся опухоли и подаёт врачу сигнал: «Тревога! Опасный враг здесь!» Ну, а прививки, которые мы сейчас делаем людям, у которых когда-то был рак, полностью предохраняют их от повторного заболевания.

Моя лекция была бы неполной, если бы я не рассказал вам ещё об одном, поистине чудесном деле современных хирургов. Но сначала прочитайте-ка вот эту вырезку из медицинского журнала, датированного 1950 годом.

(Строчка за строчкой поднимаются снизу вверх по экрану: «ампутировав ногу у собаки, он через два с половиной часа вновь пришёл её. Результат оказался поистине блестящим: нога полностью приживлена и сохранила способность к действию...»)

К. В. ТЕЛЕГИН. Да, в 1950 году подобный опыт считался выдающейся победой учёного. И мы свято чтим достижение хирургов того времени, сумевших пересадить сердце одной лягушки другой так, что оно продолжало работать.

Но как же горестны были неудачи хирургов 50-х годов, когда они попробовали пересадить человеку с больными почками неповреждённую

почку умершего! Даже такая, на наш взгляд, пустяковая операция, как пересадка пальца одной обезьяны другой, не удавалась! Палец не приживал, почка, поработав, в лучшем случае, год — полтора, постепенно выходила из строя. Правда, были известны случаи, когда человеку пересаживали палец с его ноги на его же руку или его собственную кость с одного места на другое. Но если для такой цели палец или кость брали у другого человека, приживления не наступало!

Почему? Уже в то время учёные знали причины подобных неудач: пересаженные ткани и кровь оказывались несовместимыми с тканью и кровью больного, которому совершена пересадка.

А сегодня я с нескрываемой гордостью могу вам сообщить, что мой товарищ по работе доктор Иван Владимирович Голубев месяц назад сделал сороковую операцию пересадки сердца. Да, сердца, друзья, самого важного органа человеческого тела!

Что же позволяет Ивану Владимировичу совершать такие операции?

Прежде всего, знание недавно открытых законов совместимости человеческих тканей. Иными словами, учёные сейчас могут заранее определить точно — от какого человека и какому можно пересадить ткань или орган, чтобы получилось полное приживление.

Очень важно также, что врачи научились сохранять органы и ткани, предназначенные для пересадки, довольно долгое время. Для этого их помещают в вакуум — сосуд, из которого выкачан воздух, и обрабатывают токами ультравысокой частоты. Подобно тому, как полвека назад больницы и поликлиники снабжались консервированной кровью, так теперь у них есть «запас» консервированных органов и тканей.

Ну, а откуда же мой коллега Иван Владимирович Голубев возьмёт, скажем, сердце для пересадки больному? Не от живого же человека!

От человекообразной обезьяны, друзья! Да, да, если нельзя вылечить больное человеческое сердце, если никакая искуснейшая хирургическая операция не может его исправить, то смерть всё равно должна будет отступить. Сердце человекообразной обезьяны, предварительно подвергнутое специальной обработке, чтобы сделать его совместимым с организмом человека, пересаживается больному. И другие органы такой обезьяны стали пригодными для подобных пересадок.

Наконец я должен сообщить вам о самых последних опытах, которые позволяют выращивать — да, выращивать! — различные зародышевые ткани и органы для взрослого существа. Прошу взглянуть на мой киноэкран. Вы видите здесь изображение 6-недельного зародыша животного. Можно разглядеть в нём различные части, из которых впоследствии разовьются органы и ткани взрослой особи. Вот в виде точек намечились будущие глаза, вот при вскрытии виден комочек, из которого вырастет печень, а вот эти участки — будущие почки. Взрослому животному, поражённому, скажем, неизлечимой слепотой, пересаживают часть зародыша, из которой впоследствии вырастают глаза. Но, конечно, одной пересадкой тут не обойтись. Этот участок облучают особыми лучами, под действием которых происходит его быстрое развитие. Так у взрослого животного за сравнительно короткое время можно вырастить глаз, почку, поджелудочную железу, кости ног — в общем, тот орган, зачаток которого был взят.

Чудодейственные лучи, которые при этом употребляются, по своему характеру близки ультрафиолетовым лучам солнца и испускаются живыми тканями. Они были открыты ещё 77 лет назад, в

1923 году, советским учёным А. Г. Гурвичем и были названы им митогенетическими лучами. Заслуга наших современных учёных заключается в том, что с помощью специальной оптической системы им удалось собрать большое количество этих лучей в мощный пучок и направить его на облучаемое место. Такой пучок митогенетических лучей во много раз ускоряет деление клеток. А ведь это быстрое деление и означает ускоренный рост живых тканей.

Попутно скажу, что митогенетические лучи, направленные пучком, быстро заживляют раны, ожоги, переломы костей. Для сравнения приведу такой пример. В 50-х годах минувшего века переломленная бедренная кость человека срасталась за 3—4 месяца. А сейчас под действием этого чудодейственного пучка лучей перелом заживляется за неделю!

Я познакомил вас, мои юные слушатели и зрители, с основными достижениями медицины на пороге XXI века. Как видите, она не отстала от других наук и сделала многое для хозяина жизни — человека.

(Голос диктора: «Калужская школьница Инна Левина просит разрешения задать вопрос»).

К. В. ТЕЛЕГИН. Пожалуйста, Инна.

(На экране — довольно сердитое лицо девочки с пышным голубым бантом на голове).

ИННА ЛЕВИНА. Кирилл Васильевич, что же получается? Полу-

чается, что все страшные болезни побеждены, микробы разбиты, врачи научились отращивать новые руки, ноги и, может быть, головы. Значит, все медицинские открытия уже сделаны и думать уже не над чем? Скучно — вот что я скажу!

К. В. ТЕЛЕГИН (улыбаясь). Насчёт отращивания головы, конечно, пре-

увеличиваешь. Нет, голову, то есть человеческий мозг, мы не собираемся искусственно выращивать из зародышевой ткани. Ведь если человеку с больным мозгом пересадить и вырастить новый, то этот новый мозг уже не будет обладать тем запасом знаний, опыта, интересов, вкусов, которые выработались у человека. Новый мозг — это значит новое сознание, то есть совершенно новый человек. А подобное превращение, конечно, не в интересах ни самого больного, ни его родных и близких.

Но вот существо, например, некоторых психических заболеваний, болезней головного мозга, нами ещё не разгадано. Пожалуйста, вот вам первое и весьма почётное поле действия. Если Инна станет врачом, то ей придётся подумать и над решением другой задачи.

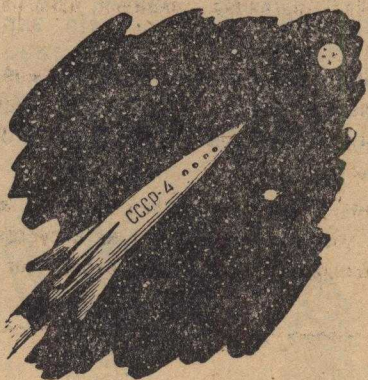
(Вспыхивает экран над профессорской кафедрой. На экране — ракета, стремительно удаляющаяся от Земли. Голос диктора: «Звёздный корабль «СССР-4» отправляется в четвёртый пробный полёт вокруг планеты Марс»).

К. В. ТЕЛЕГИН. Да, в четвёртый раз посылаем мы свой межпланетный корабль в такой грандиозный рейс! Но до сих пор не можем мы отправить людей на этом корабле. Луна, как говорится, уже обжита людьми, а Марс ещё нет. Почему? Потому что космические луны делают опасным пребывание человека в межпланетном пространстве дольше 3—4-х месяцев. Они вызывают так называемую космическую болезнь. Нейтрализовать в живом организме действие этих лучей — вот почётная задача врачей!

А разве борьба за дальнейшее продление человеческой жизни менее почётна? Пусть человек живёт 200—250 лет! Да не согбенным старцем, а могучим, полным сил, физических и умственных!

Дело у медиков, как и у других учёных, всегда найдётся, потому что наука всегда будет идти вперёд, открывая всё новые и новые тайны природы, делая жизнь людей всё совершеннее и краше. Так что беспокойтесь — тебе, Инна Левина, не о чем!

Литературная обработка Г. КНЯЗЕВА

НЕДРЕМЛЮЩИЙ ЛЕС

(Главы из повести)

Содержание предыдущих глав

Коля Гайшик вместе со своим другом Володькой помогали партизанам в борьбе с фашистами во время оккупации Брестской области. Мальчики собирали для партизан брошенное оружие. Коля доставлял в село Ивацевичи, где находилась немецкая комендатура, листовки, пряча их в бидоне с молоком. Помогала ему Еленка, девочка из соседней деревни Яблонка, и хозяйка квартиры предателя Козича — Варвара.

Другой мальчик, Ванюша, сражался с фашистами в рядах партизан. Встретив в лесу немецких солдат, он не растерялся и открыл огонь из дробовика. Один из солдат был убит, а второму — Крашке — только искусство доктора Краммера спасло жизнь.

Крашке вызвал уполномоченный по борьбе с партизанами Вайнер. Он предложил солдату заработать несколько тысяч марок. Для этого Крашке должен торговать сигаретами на базаре и узнать, кто в него стрелял.

Так на базаре среди торговцев появился одноглазый солдат-инвалид с обезображенным лицом...

Тем временем Вайнер рассредоточил карательный отряд, чтобы меньше привлекать внимание партизан и не спугнуть их. Часть отряда разместилась в деревне Святая Воля, на узкоколейке Ивацевичи—Телеханы. Об этом, конечно, сразу же узнали партизаны.

У партизанских командиров созрел план разгрома врага. Проведя тщательную разведку в районе узкоколейки, в одну из августовских ночей из лесного лагеря направился на операцию крупный отряд во главе с партизаном Алексеем.

Святая Воля

— ВАМ придётся расстаться с госпиталем, Отто.

У Отто дрогнули губы.

Вайнер подавил усмешку.

— На небольшой срок. Вы мне нужны в другом месте. Ведь вы мои глаза и уши, — ласково добавил он. — Я готовлю операцию, которой покончу с партизанами в этом районе раз и

Продолжение. Начало в №№ 2-3—12 за 1957 г. и в № 1 за 1958 г.

навсегда! — В голосе Вайнера послышались гордые, металлические нотки. — Но я должен быть уверен в людях. Мне нужны храбрые солдаты, умеющие повиноваться слепо. Солдат существует для боя, Отто. Для победы или для смерти. У нас хорошие солдаты, но здесь, в тылу, они, как в инфекционном бараке, где каждую минуту тебя подстерегает зараза. Солдат начинает думать и болтать... — Вайнер прошёлся по кабинету, заложив руки за спину. Потом остановился возле стола и ладонью похлопал по лежащей на нём карте. — Смотрите, Отто!..

Отто поднялся со стула и, перегнувшись через стол, посмотрел на карту.

— Вы поедете по узкоколейке вот сюда, в Святую Волю. Там расквартирован отряд Губерга. Вы будете в распоряжении обер-лейтенанта. Приглядывайтесь к солдатам, Отто. И к самому Губергу. И к его офицерам. Помните: вы — мои глаза и уши. Понимаете, Отто?

Отто кивнул.

— Рассеивайте страх перед партизанами. Партизаны — кучка необученных, плохо вооружённых мужиков. К тому же, по достоверным данным, у них повальное пьянство. Мы возьмём их голыми руками.

Отто возвращался в госпиталь медленно, грызя сорванную у забора сухую травинку.

Там, в домике за колючей проволокой, у него дрогнули губы. Вайнер, видимо, подумал, что от страха. Дурак! Идти в прорыв не страшнее, чем служить здесь, в этом маленьком городке, где не только люди, — слепые окна домов смотрят на тебя с ненавистью.

Он верил в «историческую миссию» немцев. Солнце на голенище начищенного солдатского сапога казалось ему настоящим.

И вот он сам солдат. Он — в России.

Она огромна и богата. И солдатские сапоги топчут её возделанные поля. На голенищах нет солнца. Они в гыли и крови.

Детей отбирают у родителей, расстреливают, вешают и увозят в Германию. Музеи превращены в отхожие места.

По дорогам бредут нищие, и на них устраиваются охоты, настоящие, с собаками и знаменитыми крупновскими пушками.

Реки России солёны от слёз и красны от крови.

И в этом его, Отто, «великая историческая миссия». А ведь он изучал в университете международное право!

Его попросту обманули. Но в этом нельзя признаться даже самому себе. За такие мысли...

Вайнер заставляет его следить за другими, а кто-нибудь следит за ним, Отто, и кто-то, в свою очередь, за Вайнером. Всё — армия, партия, государство, всё у фюрера построено на недоверии, шпионаже, страхе.

Отто медленно бредёт в госпиталь, жуёт сухую травинку. Лицо его хмуро, плечи опущены, он старается не смотреть на встречающих.

На следующий день утром Отто пришёл на станцию.

Было ещё темно. Возле штабелей брёвен и досок стояли два поезда. Маленькие паровозы — «кукушки» с прицепленными к ним такими же маленькими платформами. Они казались

игрушечными, и узкая, тускло поблёскивающая в свете фонаря колея рельс тоже казалась игрушечной.

Возле первого поезда стояли военный комендант и несколько автоматчиков. Отто подошёл к ним. Предъявил удостоверение.

— Садитесь на любую платформу, — кивнул комендант.

Отто козырнул и забрался на платформу, где лежали несколько мешков и какие-то ящики.

Пришли машинисты в сопровождении автоматчиков. Автоматчики устроились возле паровозов. Первый паровоз тоненько, по-детски, свистнул, и поезда тронулись один за другим.

Отто знобило от утреннего ветерка. Автомат оттягивал плечо. Он снял его и сунул между мешками, чтобы не свалился. Туда же сунул и каску. Потом расстегнул и снял шинель. Завернулся в неё и прилёг, положив ладонь под щеку. Он всегда так делал. Если снять шинель и завернуться в неё, станет теплее.

Мерно постукивали колёса, вздрагивала платформа. Отто пригрелся и уснул...

...Снился ему дом. Ярко горели в печке сухие дрова. Приятно дышали жаром в лицо. Потом дрова начали трещать, будто в печку кто-то бросил патроны.

— Отто, помешай дрова в печке, — сказала мать.

Но Отто не хотелось двигаться. Пусть трещат.

— Я знаю, о чём вы думаете, — сказал Вайнер.

Откуда он взялся?

Вайнер стал маленьким, полез в печь и оттуда закричал:

— Мне нужны солдаты! — И что-то добавил по-русски.

Потом кто-то потряс Отто за плечо.

Отто сел и открыл глаза.

Над лесом разлилась тонкая полоска зари. Возле платформы двигались какие-то люди. Рядом сидел на корточках незнакомый парень в старом сером пиджаке, из которого торчал высокий ворот русской рубахи, и в порыжевших высоких сапогах. Изпод кепки выбивалась рыжая прядь. В руках у парня был пистолет.

— А ну, вставай, вставай, фриц!

Отто понял и поднялся. Шинель упала с плеч. Ноги были слабыми. Всё тело било ознобом. Он озирался беспомощно, ничего не понимая.

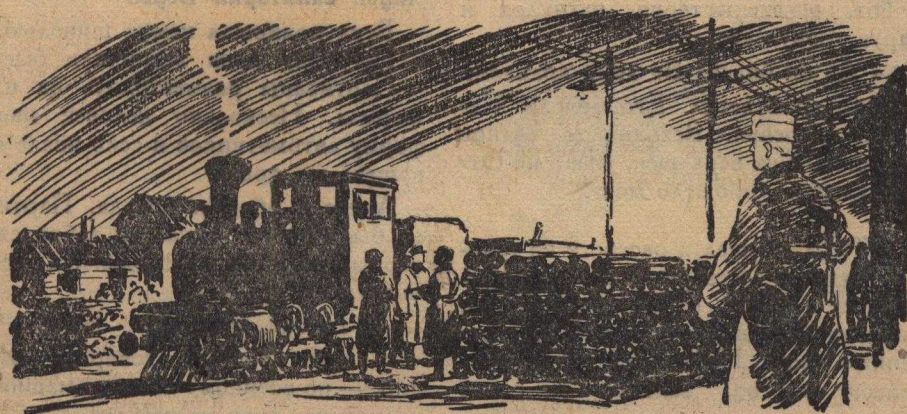
— Да ты чего, пьяный? — Парень опустил пистолет. — Где твоё оружие? Автомат?

Отто моргнул глазами, их ломило.

— От, дубина! — выдохнул парень и спросил, медленно подбирая немецкие слова: — Во ист дайнер... это... пиф-паф!

Отто понял.

— Дорт, — показал он на мешки.

Парень проворно нагнулся и извлёк из-под мешка автомат.

— Гут, — сказал он и крикнул: — Алексей! Тут ещё один, пьяный вроде.

На платформу легко прыгнул ещё один парень в военной гимнастёрке.

— Сопровитлялся?

— Какое! Ягнёнок... Видать, крепко вчера хватил.

Отто не понял, о чём говорили эти двое. Голова закружилась. Он пошатнулся и сел на шинель.

Тот, в гимнастёрке, нагнулся и вдруг тронул его лоб.

— Да он болен! Зи зинд кранкен?

Отто не ответил. Его трясло. Качались деревья. Всклотившее солнце сорвалось с их верхушек, упало на Отто, ослепило, обожгло мозг...

ОТРЯД вышел к рассвету на узкоколейку севернее ст. Гичицы. Справа и слева от полотна стояли сложенные в штабеля давно заготовленные дрова. Партизаны свалили на рельсы дерево, залегли и стали ждать.

Вскоре послышалось пыхтенье «кукушки» и звонкий в утренней тишине перестук колёс.

Машинист увидел завал и затормозил. Вслед за первым остановился и второй поездок. Автоматчики прыгнули с платформ и, ругаясь, направились к дереву, чтобы сбросить его с рельсов. В это время сухо ударили автоматы.

Так партизаны овладели поездами, выполняя план операции.

Затем быстро и слаженно начали грузить платформы дровами с таким расчётом, чтобы за ними можно было спрятаться.

В этот-то момент Сергей и обнаружил среди мешков и ящиков уснувшего Отто. Так как солдат не оказывал никакого сопротивления, Сергей не стал стрелять. Да к тому же солдат мог пригодиться и в качестве языка.

Когда выяснилось, что Отто не пьян, а болен, предварительно обыскав, его поручили попечению круглолицей санитарки Веры.

Вера прикрыла немца шинелью.

Погрузку дров закончили быстро.

Партизаны разместились на платформах. Несколько человек надели форму автоматчиков и сели возле «кукушек» на дрова.

Алексей обошёл поезд. Партизан не было видно. Тогда он забрался на первый паровозик, подмигнул машинисту:

— Трогай, товарищ.

— Есть трогать, товарищ командир, — по-военному ответил машинист и положил руку на регулятор.

Лес обступил Святую Волю со всех сторон. Можно сказать: не было бы леса, не было бы и посёлка.

Святая Воля — владение Химлеско-за. Отсюда до войны уходили бригады добывать янтарную сосновую смолу, пробивать дорогу в чаще, валить, трелевать строевой лес.

В посёлке выросли лесозавод и маслозавод.

С начала войны фашисты захватили предприятия, поставили охрану. Не успевших уйти рабочих согнали в цехи. Кое-как наладили производство, а лес вывозили по узкоколейке в Ивацевичи, а оттуда — в Германию.

Обер-лейтенант Губерг был не очень-то доволен назначением в Святую Волю, уж слишком глухи были эти места, и порой, особенно вечерами, жутко становилось от дыхания невидимого во тьме леса.

Впрочем, обер-лейтенант никому бы в этом не признался. Он выбился в обер-лейтенанты из рядовых, очень дорожил и гордился чином. Он не обладал ни острым умом стратега, ни военными познаниями, но зато был по-собачьи предан начальству и, не рассуждая, выполнял любой приказ с неизменной точностью.

Губерг был угловат, будто высечен топором из деревянного чурбака, маленькие пустые глаза его казались пробуравленными. Они не выражали ни радости, ни злобы — ничего.

Каждое утро, согласно приказу, Губерг выстраивал солдат на пустыре возле станции и проводил строевые занятия. Солдаты до одури шагали по кругу, сходились и расходились, падали и вставали, поворачивались, как автоматы.

— Солдат должен быть занят службой — тогда он солдат, — напутствовал обер-лейтенанта Вайнер. И Губерг занимал солдат «службой».

Утром 5 августа обер-лейтенант, как обычно, сидел на складном парусиновом стульчике и наблюдал за строевыми занятиями.

Где-то за соснами весело просвистел паровоз.

Губерг заметил краем глаза, как из грязного станционного домика появи-

лась длинная и тощая, похожая на палку, фигура начальника станции.

Потом из-за деревьев показался поездок, гружённый дровами. Почти не убавляя хода, он проскочил мимо станции, в сторону Телехан. Начальник станции замахал руками. В это время из-за деревьев показался второй поездок.

Солдаты повернули головы.

— Смотреть перед собой! — сердито крикнул Губерг.

В этот момент оба поезда остановились. Над дровами показались лёгкие дымки. Возле ног Губерга что-то защёлкало, поднимая клубки пыли. Он даже сразу не сообразил, что это пули. А когда понял, было уже поздно. Кто-то невидимый толкнул его в бок, и Губерг, охнув, сполз со стульчика.

Солдаты растерянно заматались по пустырю.

Кто-то истошно крикнул:

— Партизаны!

Обезумевшие от страха солдаты бросали оружие и бросились врассыпную.

Партизаны не преследовали их. Надо было выполнять разработанный до деталей план.

Сергей и Ванюша, обыскав труп Губерга, бросились в штабную хату, где он жил. Забрали документы.

Часть отряда во главе с комиссаром направилась на лесозавод. Навстречу им высыпали рабочие. Пожимали руки, целовали.

В конторе комиссар приказал взломать кассу. Деньги роздали рабочим. Немца-управляющего нигде не нашли: он успел бежать.

На другом конце посёлка поднялся густой рыхловатый клуб дыма. Это Алексей поджёг маслозавод.

— Товарищи! — крикнул комиссар. — Фашисты не должны получить с вашего завода ни одной доски, ни одной щепки! — Он махнул рукой. — Поджигай!

— Эх, мать честная! — крикнул какой-то старик и сшиб со стола управляющего керосиновую лампу.

Она ударилась об пол. Звякнуло стекло. По полу расплзлось тёмное пятно. Едко запахло керосином.

Через десять минут жарко запылала на дворе заготовленная древесина. Пламя, облизав стены лесопильного цеха, рванулось к небу.

ОТТО очнулся, усидел возле себя девушку с автоматом. Закрыв глаза.

Ну что ж... Его, видимо, расстреляют. Партизаны в плен не берут... Что ж, он готов держать ответ за всю Германию, за фюрера, за всех, кто затеял эту чудовищную бойню.

Эта девушка с круглым добродушным лицом вправе отвечать на страдание страданием, на смерть — смертью...

Отто шевельнулся и облизнул сухим языком губы.

Вдруг губ его коснулось что-то холодное, и в рот полилась влага. Он глотнул её, чуть не захлебнувшись. Открыл глаза.

Девушка наклонилась над ним, держа у его губ солдатскую флягу. Фляга была помята, а пальцы, державшие её, по-мужски крупными, с остриженными ногтями и грубыми тёмными подушечками.

Отто слабо улыбнулся:

— Данке шён...

Девушка не ответила на улыбку, отвернулась.

Отто снова закрыл глаза.

Потом к нему подошли двое. Один спросил по-немецки:

— Как вы себя чувствуете?

Отто посмотрел на него.

— Хорошо.

— Идти можете?

— Да... пожалуй...

— Собирайтесь!

«Сейчас его поведут в лес и расстреляют». Отто вздохнул и медленно поднялся. Девушка накинула ему на плечи шинель.

Отряд уходил из Святой Воли строем, с песнями. Впереди шли Алексей и комиссар. А позади, в повозке, ехали Отто и круглолицая девушка с автоматом.

Отто удобно было полулежать на гене.

Отсюда, с повозки, он видел упрямые спины шагавших в строю. Видел серые хаты за плетнями. Видел лица простых деревенских баб, провожавших отряд.

И Отто понял: те, идущие впереди, одетые и вооружённые как попало, загнанные в леса, всё же оставались хозяевами на своей земле. Они, а не Вайнер, не фюрер.

(Продолжение следует)

КРОССВОРД

(Составил Г. Никитин)

ЧУДЕСНОЕ КОЛЬЦО

(Составил Н. Сарваниди,
Краснодарский край,
станция Журавская)

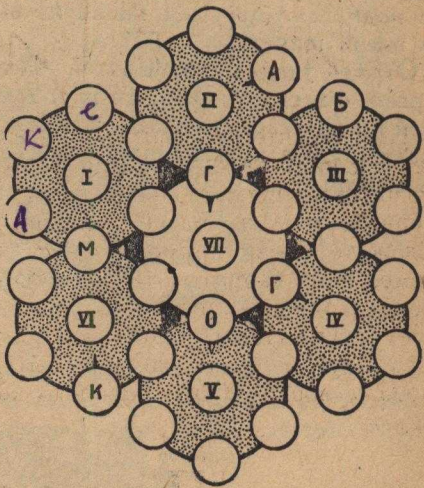
Сколько географических названий удастся вам прочесть, не переставляя при этом букв?

Читать следует по часовой стрелке.

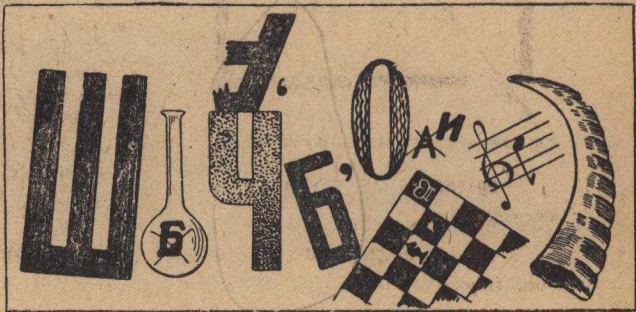
РЕБУС

Разгадай этот ребус, и ты
прочтёшь хорошие слова о
своей школе.

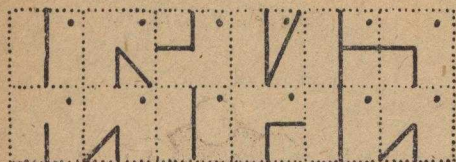

Впишите в свободные кружки по букве, но так, чтобы в семи больших кругах можно было прочесть по направлению часовой стрелки семь слов: I. Образец какого-нибудь изделия, макет. II. Европейское государство. III. Знаменитый английский поэт. IV. Горная порода. V. Прибрежная мель. VI. Внутренняя крепость в старинных русских городах. VII. Великий русский писатель.

Первые буквы слов уже вписаны в соответствующие кружки. «Колышек» указывает, какому слову принадлежит вписанная буква.

СЛОЖИТЕ СЛОВО

Перерисуйте эту фигуру в увеличенном виде на бумагу или картон. Разрежьте прямоугольник по пунктирным линиям на 12 квадратов. Сложите вновь прямоугольник, переместив квадраты так, чтобы в прямоугольнике читалось слово из трёх букв. Поворачивать квадраты не следует — точка должна быть в правом верхнем углу каждого квадрата.

ИЗ СТАРЫХ ЗАДАЧ

1.

Если у девочки 5 пар туфель, 7 юбочек и 8 блузок, то в скольких различных костюмах может она появиться?

2.

Сколько четырёхбуквенных слов можно составить из 17 согласных и 5 гласных букв, если в середине должны находиться две различные гласные, а по краям — по одной согласной, которые могут быть или одинаковы или различны?

3.

Сколькими способами можно распределить 5 книг между двумя учениками?

ПРОВЕРЬ СЕБЯ

(Ответы к «Искорке» № 12 за 1957 г. и № 1 за 1958 г.)

КРОССВОРД

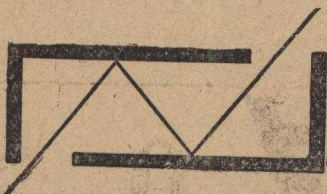
ПО ГОРИЗОНТАЛИ. 6. Сойка. 7. Хорей. 8. «Кюхля». 10. Ракета. 11. Сафьян. 12. Домна. 13. Фтор. 15. Карс. 18. Мяч. 20. Грузило. 21. Единица. 22. Сук. 24. Трап. 27. Гарт. 30. Астра. 32. Реомюр. 33. Гектар. 34. Книга. 35. Глина. 36. Стриж.

ПО ВЕРТИКАЛИ. 1. Посад. 2. Акцент. 3. Алхимия. 4. Босфор. 5. Беляк. 8. Кадр. 9. Ясак. 13. Фрукт. 14. Олифа. 16. Афиша. 17. Свифт. 18. Мол. 19. Чек. 23. Устье. 25. Ремонт. 26. Парк. 27. Гага. 28. Ракита. 29. Земля. 31. Радио.

ИЗ СЛОВА — ФРАЗА

Слава, слива — слева!

ФУТБОЛИСТ НА ТРЕНИРОВКЕ

Решение смотри на рисунке.

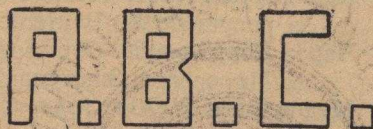
ИНТЕРЕСНОЕ СЛОВО

«Искорка».

НА ВЕСЬ МИР

Мир (Ми + 1/2 ре).

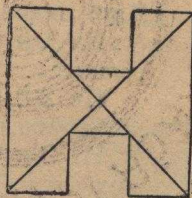
«ФЛАЖОК»

Решение смотри на рисунке.

ВОСЕМЬ ТРЕУГОЛЬНИКОВ

Решение смотри на рисунке.

КРОССВОРД «ШКОЛЬНЫЙ»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ. 1. Книга. 3. Пенал. 6. Геометрия. 9. Край. 12. Тема. 13. Кабинет. 14. Демьян. 15. Камера. 17. Мионов. 18. Сбор. 19. Кино. 23. Лермонтов. 24. Ампер. 25. Наряд.

ПО ВЕРТИКАЛИ. 1. Коток. 2. Аден. 3. Приз. 4. Лапта. 5. Венчик. 7. Баскетбол. 8. География. 10. Занятия. 11. Педагог. 16. Восток. 18. Сетка. 20. Отряд. 21. Кедр. 22. Горн.

НЕЗНАКОМОЕ В ЗНАКОМОМ

Карандаш (вид с торцевой поверхности).

ДВА ПРЕДЛОГА

Ан + на. Анна.

СОДЕРЖАНИЕ

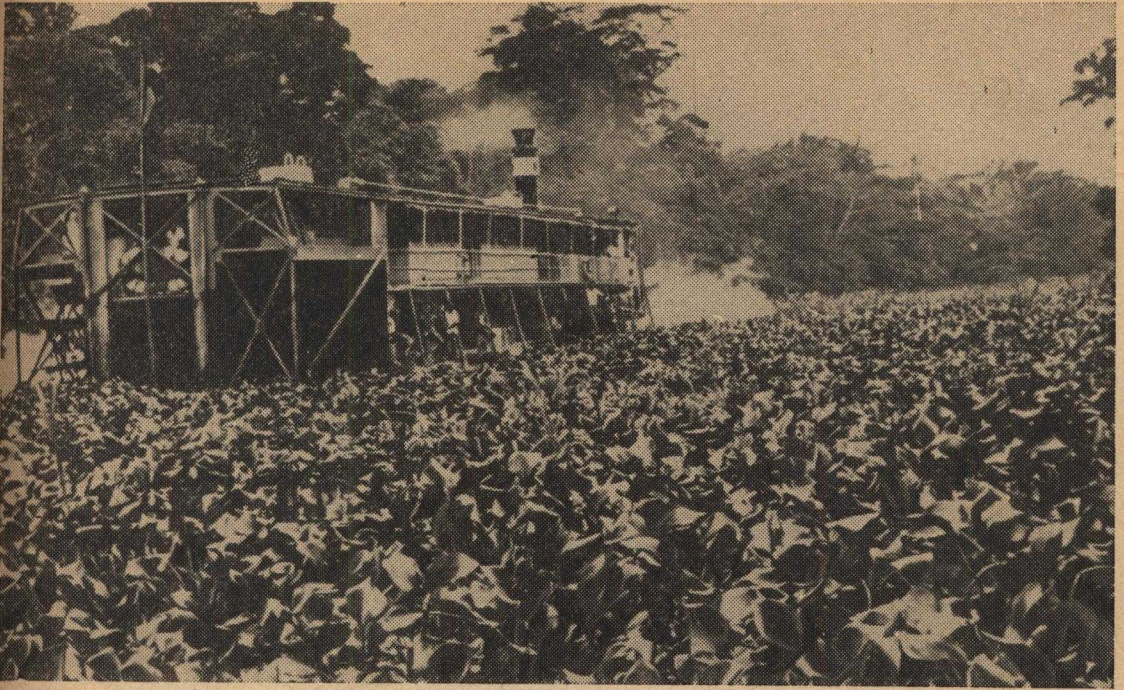
Советской Армии. Стихотворение Марины Пальчик.	1
Неравный бой. Рассказ В. Курочкина	2
Товарищ капитан. Стихотворение И. Ринка.	6
Островские подпольщики. Воспоминания И. Семенкова	9
Слово о Клавде Назаровой. Отрывок из поэмы Н. Щербакова	22
Совершенно необыкновенные приключения Миши Кошкина, рассказанные им самим. Рассказ М. Демиденко	25
Орлята. Стихотворение А. Шугурина	36
Как Ваня Белов в каменном веке был. Рассказ Тани Рогачёвой	37
Мороз. Стихотворение Сергея Макарова	39
Зима. Стихотворение Юрия Паркаева	39
Не нарушат! Стихотворение Маргариты Павловой ..	40
Книжка. Стихотворение Жени Соловьёва	40
Любишь кататься, люби и саночки возить. Рассказ в рисунках М. Бекташева	41
Через Кордильеры. Отрывок из книги Иржи Ганзелки и Мирослава Зикмунда	42
Медицина в 2000-м году. Статья кандидата медицинских наук И. Брейдо	46
Недремлющий лес. Главы из повести И. Туричина ..	55
Клуб смекалистых ребят	62
На 1-й странице обложки — рисунок А. Крутцова «На границе».	
На 2-й странице обложки — песня «По снежной целине» композитора Б. Кравченко на слова Германа Гоппе.	
На 3-й странице обложки — «Вокруг света с фотоаппаратом».	
На 4-й странице обложки — рисунок К. Бекташева «Праздничный салют».	

Редактор М. С. ЗЫКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Центр.
Фонтанка, 57. Тел. А-4-54-90.

Сдано в набор 27/1 1958 г. Подписано к печати 24/II-58 г. 4 печат. листа. Учёт.-изд. 5,93.
М-03566. Заказ № 150. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 1 рубль. Тираж 75 000.

Типография им. Володарского Лениздата. Ленинград, Фонтанка, 57

Это — необычные фотографии. На верхнем снимке вы видите бельгийское судно на реке Конго, «взятое в плен» гиацинтами.

Река Конго, которая протекает по Экваториальной Африке, одна из крупнейших на земле. Её длина 4320 километров. Но судоходству мешают... гиацинты.

Эти красивые цветы в тропических условиях растут очень быстро. Обширные заросли их покрывают бакены, образуют стоячие воды.

И вот местные власти объявили войну этому цветку. Гиацинты запрещено разводить в садах. Тот, кто нарушит это правило, подвергается штрафу. Специальные суда снаряжены для уничтожения цветов.

На нижнем снимке изображена Кафедральная площадь в итальянском городе Милане. Откуда взялся там бегемот?

Он сбежал ночью из Миланского цирка. В течение нескольких часов полиция и пешеходы старались поймать животное. Наконец бегемот был окружён и с помощью дрессировщика доставлен в цирк.

Цена 1 рубль

